

А.Л. ЮРГАНОВ

ОПРИЧНИНА И СТРАШНЫЙ СУД

Рассуждая об итогах опричнины, В.Б. Кобрин отмечал: «Объективные результаты того или иного события, явления, действия, учреждения необходимо строго отделять от субъективных намерений политических и государственных деятелей. Вряд ли Иван Грозный ставил перед собой большие государственные задачи, сомнительно, чтобы им реально руководили какие-либо стремления кроме укрепления личной власти...»¹. Как это ни парадоксально, почти нет специальных исследований, в которых изучались бы представления об опричнине ее современников². Между тем концептуальное построение должно основываться на анализе смысловых структур средневекового сознания. «История есть сама для себя и объект и субъект, – писал А.Ф. Лосев, – предмет не какого-то иного сознания, но *своего собственного сознания*. История есть самосознание, становящееся, т.е. нарождающееся, зреющее и умирающее *самосознание*....»³. С этой точки зрения сознание и есть бытие, которое определяется законами своего собственного существования. Отождествление образа мира, который создается при помощи так называемой второй сигнальной системы человека, с природной реальностью, ведет к порождению мифа, в котором – и которым – живет человек. Вот, почему, по словам А.Ф. Лосева, миф «есть само бытие, сама реальность, сама конкретность бытия».

Понять субъективный смысл грандиозного мероприятия царя – значит разглядеть в сумерках опричнины искомую ее направленность. В разноголосице суждений историков бесспорен пока тезис, что царь действовал методом террора. Споры начинаются тогда, когда ставится вопрос: во имя чего?

Современные объяснения опричнины вписываются в две основные историографические парадигмы. В контексте первой из них – опричнина была политической борьбой именно «против» – либо против порядков или уделов (С.М. Каштанов, А.А. Зимин), либо против лиц (князей, бояр), их представляющих (Р.Г. Скрынников)⁴. Внутри этих концептуальных споров возник явный кризис. Последние исследования показывают, что царь не мог бороться с князьями и боярами целенаправленно. Многообразные данные как социально-психологического, так и социально-экономического характера убеждают нас в этом – едва ли стоит повторять уже известную аргументацию⁵. Вместе с тем новейшее изучение удельно-вотчинной системы показало, что и так называемая антиудельная борьба не более, чем модернизаторский миф науки⁶. Предчувствуя этот кризис, В.Б. Кобрин смог преодолеть традицию и обосновать (правда, в общих чертах) новый теоретический подход. Не отказываясь от главных идей А.А. Зиминой, В.Б. Кобрин выделил субъективную сферу – восприятие опричнины ее современниками. Это позволило историку сказать, что царь боролся «за» – за безграничную власть, за абсолютный произвол над подданными.

Казалось бы, выход найден, но и в таком социально-психологическом видении проблемы далеко не на все вопросы можно найти ответы. Что значит «безграничная власть»? Какой власти не хватало царю, если казнить и миловать он мог и до опричнины: никто его этой власти лишить не мог. Если он добился своей цели – безграничной власти, то почему тогда в конце жизни, по

¹ Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 113.

² Исключение – работа С.Б. Веселовского: *Веселовский С.Б.* Отзывы о Грозном его современников // Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 38-53.

³ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // *Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 150.

⁴ Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2. С. 116-117; Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; Скрынников Р.Г. Опричнина и последние удельные княжества на Руси // Исторические записки. Т. 76. 1965. С. 153; его же. Опричный террор. Л., 1969. С. 192. /С.71/

⁵ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV-XVI вв.). М., 1985.

⁶ Юрганов А.Л. Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // Отечественная история. 1996. № 3. С. 93-114.

крайней мере с 1579 г., царь каялся в грехах?⁷ Мы не собираемся давать однозначные ответы на эти трудные вопросы, но сама их постановка заставляет еще раз задуматься над интерпретацией истории XVI в., предложенной В.Б. Кобриным.

Итак, настоящая статья посвящена изучению восприятия Иваном Грозным опричнины. /С.52/

Сами современники Ивана Грозного связывали его действия со Страшным Судом. А. Шлихтинг рассказывал о типичной реакции людей на действия царя: «Всякий раз как тиран приглашает кого-нибудь явиться в Александровский дворец, тот идет как на Страшный Суд, откуда ведь никто не возвращается». Когда же Грозный приблизился к Новгороду, «новгородцы не узнали об этом раньше, чем он находился на расстоянии мили от города; тогда-то они стали кричать, что для них наступает Страшный Суд»⁸. Идеями Страшного Суда пронизаны речи опальных и осужденных на смерть. Митрополит Филипп, согласно посланию Таубе и Крузе, говорил царю: «я хочу (...) отдать добровольно и с радостью свою душу Богу, который тебя и меня будет судить, и хочу скорее оставить после себя такую память, что я умер невинным мучеником, чем, чтобы мне говорили, что я, как митрополит, жил при тирании...»⁹. Не утверждая, что именно эти слова произнес митрополит Филипп, обратим внимание на то, что подобная апелляция к «конечному» Суду фиксируется независимыми друг от друга источниками. В том же послании рассказывается о казни удельного князя Владимира Андреевича. «Я должен, к сожалению, умереть, но не хочу все же убить сам себя», – говорил жене старицкий князь. Она же отвечала: «ты должен принять смерть и выпить яд, и это делаешь ты не по своей воле, но убивает тебя своей рукой тот, кто дает его тебе пить, и убивает и душит тебя царь, а не какой-нибудь палач, и Бог, справедливый судья, взыщет с него твою невинную кровь в день Страшного Суда». Когда же, выпив яд, погибли князь, его жена и дети, многие «знатные женщины» воскликнули: «Ты, кровожадный убийца нашего благочестивого, невинного господина, мы не желаем твоей милости и гораздо лучше жить у Господа Бога на небе и кричать о тебе до дня Страшного Суда, чем оставаться под твоей тиранской властью...» Царь жестоко расправился с ними: «Сперва их для постыдного зрелища травили собаками (...) а затем они были застрелены и растерзаны ужасным образом и их оставили лежать непогребенными под открытым небом, птицам и зверям на съедение»¹⁰.

Опричные казни нередко интерпретируются как проявления неоправданной жестокости вспыльчивого тирана, алогичности, безумства. При этом А. Шлихтинг отмечал: «Все, что ему приходило в голову, одного убить, другого сжечь, *приказывает он в церкви*; и те, кого он приказывает казнить, должны прибыть (в Александрову слободу. – А.Ю.) как можно скорее, и он дает *письменное приказание*, в котором указывается, каким образом они должны быть растерзаны и казнены». Не абсолютизируя буквальный смысл этого сообщения, подчеркнем, что наблюдение А. Шлихтинга весьма точно передает важную особенность опричных казней. При внимательном чтении источников не найти в этих казнях хаоса и алогичности, равнодушия к символической форме уничтожения человека. Удивляет повторяемость (некая типологичность даже) жестоких форм того, что мы называем «опричным террором». Эта типологичность до некоторой степени определяется эсхатологической семантикой.

Анализ источников показал, что большинство описанных опричных казней связано так или иначе с водной средой (рекой, озером, водой в котле и т.д.). Андрей Кесарийский в толкованиях на Апокалипсис, хорошо известных на Руси, именно в контексте последних времен замечал, что водная среда знаменует собой неверие. Подобное представление прочно вошло в религиозное сознание XVI в. Так, в «**Послании о злых днях и часех**» старца Филофея бегство в пустыню «**жены, овлеченной в солнце**», объясняется в том же ключе. Змей, испускающий из своих уст воду, «**яко реку**», намеревается потопить в ней ту, которая олицетворяет собой Церковь Христову в послед

⁷ Его же. О дате Написания завещания Ивана Грозного // Отечественная история. 1993. № 6. С. 125-141.

⁸ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 26.

⁹ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Пг., 1922. С. 43-44.

¹⁰ Там же, С. 47.

ние дни перед Вторым пришествием и Страшным Судом. Филофей особо подчеркивал: **«Воду же глаголют неверне»**¹¹. Согласно хорошо известному на Руси житию преп. Василия Нового, св. Феодора, пройдя мытарства и приблизившись к вратам небесным, встречает «воду» – **«и разстүпишася вода»**¹².

Источники сохранили язык эсхатологических образов, понятный современникам опричнины. Вот типичный пример, приведенный А. Шлихтингом – Федор Ширков, «главный секретарь» новгородский был приведен к царю: тот приказал «привязать его посредине (туловища. – А.Ю.) к краю очень длинной веревки, крепко опутать и бросить в реку по имени Волхов, а другой конец веревки он велит схватить и держать телохранителям, чтобы тот, погрузившись на дно, неожиданно не задохся. И когда этот Федор уже проплавал некоторое время в воде, он велит опять вытащить несчастного, спрашивает, не видал ли он чего-нибудь случайно в воде. Тогда тот ответил, что видел злых духов, которые живут в глубине вод реки Волхова (...) и они вот-вот скоро будут здесь и возьмут душу из твоего тела»¹³. /С.53/ За такой ответ царь приказал поставить Ширкова на колени в котел и обваривать кипятком. После пыток мертвое тело было разрублено на части и брошено в реку. Царь нередко запрещал хоронить казненных в земле. Тот же Шлихтинг сообщает, что некий воевода Владимир содержался в тюрьме за то, что из чувства сострадания велел предать земле тело слуги князя Курбского, утопленного в реке по приказу царя. Владимира пытали, обвинив в связях с князем-беглецом, а затем убили и бросили в реку. Н.С. Тихонравов специально отмечал: «По мифическим русским воззрениям, выразившимся в многочисленных и разнообразных произведениях народной поэзии, ад находится в пропастях, на дне реки. Грешникам уготовлены «пропасти неисповедимыя», которые после Страшного Суда будут задержаны «землей, травой и муравой»¹⁴. Федор Ширков говорил, что на дне Волхова он видел «злых духов»; на дно реки царь повелел бросать тела убиенных, не разрешая хоронить в земле.

Обратим внимание на основной способ умерщвления людей в Новгороде в январе 1570 г. Датский посланник Яков Ульфельд сообщает: созвал царь «великое множество людей в Новгород под тем видом, якобы хотел с ними о важных делах говорить, куда когда пришли, велел всем собраться на мост, при городе стоящий, который мы ежедневно видали, а как скоро взошли на оный, бросил всех стремглав в реку, побил и потопил многие тысячи людей»¹⁵. Новгородский летописец точнее описал, что именно произошло: повелел царь **«приводити (...) владычних бояр и иных многих служивых людей и жен их и детей, и повеле их пред собою горце мучити и люте и везчеловечне, всякими различными мұками; и по многих неисповедимых горких мұках, повеле государь телеса их некою Гоставною мұкою огненною поджигати, и своим детем боярским повеле тех мученных людей за рұки, и за ноги, и за головы, различно, тонкими ўжи привязывати по человекѹ к санем конским, и быстро влещи за санми на великий Волховский мост, и повеле их с мосту метати в реку Волхов (...) И таково горе и мұка бысть от неўкротимыя ярости царевы, паче же от Божия гнева, грех ради наших...»**¹⁶.

Река и мост испытания – древнейшие образы индоевропейской мифологии. В индийском варианте – это река Вайтарани, протекающая в царстве бога Ямы: в ее кипящие соленые волны падают грешники и опускаются в находящееся под нею место мучений. У греков речным перевозчиком в царство мертвых был Харон, у русских – архангел Михаил¹⁷. В житии преп. Василия Нового рассказывается, что некий воин умер, но спустя некоторое время ожил – душа вернулась в

¹¹ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 452.

¹² **Покровский Н.В.** Страшный Суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. III. Одесса, 1887. С. 363.

¹³ **Шлихтинг А.** Указ. соч. С. 30.

¹⁴ **Тихонравов Н.С.** Отреченные книги Древней Руси // Сочинения Н.С. Тихонравова. Т. 1. М., 1898. С. 191.

¹⁵ Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в XVI веке. М., 1889. С. 14.

¹⁶ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 341-342.

¹⁷ **Тихонравов Н.С.** Указ. соч. С. 183; Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI-XIX веков. М., 1991. С. 246-247.

тело. Воин сообщил, что видел мост, под ним текла река. На другом берегу – цветущий луг и сонмы мужей в белых одеждах. На мосту происходит испытание: праведники проходят через него и попадают в рай, а грешники падают в зловонную реку¹⁸. Кирилл Александрийский уточнял, что грешники мучаются в огненной реке связанными¹⁹. Огненная река и озеро – неперемненные атрибуты ада и Страшного Суда; адский огонь иногда символически изображался в кипящем котле. На средневековых миниатюрах рукописей, содержащих описания загробного царства и Страшного Суда, традиционно изображался «лютый мраз» в виде озера, красного, как огненная река: ад – царство огня и вечного холода; русские апокрифы относили к числу адских мук пытку огнем и «мразом»²⁰. «Составная мука» новгородских казней в том и заключалась, что людей сначала «поджигали» и только потом сбрасывали с моста в реку. Летописец, описывая эти казни, не случайно определял их как «горе» и «муку» для грешников, а неукротимую ярость царя связывал с Божьим гневом. Архетипосюжетная основа древнейших представлений заключается в том, что «реку» надо перейти, и не каждый сможет это сделать. Согласно агиографической традиции, Пафнутий Боровский (ум. в 1478 г.) слышал от некоего человека рассказ: умер праведник и не мог перейти реку. Вдруг пришло множество нищих, они создали из своих тел нечто, **«яко мост чрез страшную ту реку»**: так праведник оказался в раю.

Мост через Волхов был, видимо, выбран царем специально: горящие люди со связанными руками и ногами падают в холодную реку. Казнь эта, судя по всему, была для царя символом наказания грешников, которым уготована «вечная мука».

25 июля 1570 г. и Москва увидела, как разыгрывается чудовищный сценарий наказаний грешников, в которых символическую роль играла вода (горячая и холодная). А. Шлихтинг описал эти казни: опричники «получили приказ вбить в землю приблизительно 20 очень больших кольев; к этим кольям они привязывали поперек бревна, края которых соприкасались с обеих сторон с соседним колом. Население города, уstraшенное таким небывалым делом, начало прятаться. Сзади кольев палачи разводят огонь и над ними помещают висячий котел, или рукомойник, наполненный водой, и она кипит там несколько часов. /С.54/ Напротив рукомойника они ставят также кувшин с холодной водой (...) Тиран (...) спрашивает, правильно ли он делает, что хочет карать своих изменников: «Живи, преблагий царь. Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их...»²¹. В этот день умерщвляли по-разному, чаще всего отрубали головы. Строительство помоста для котла с водой никак не оправдано логикой упомянутых казней. Котел с кипящей водой – устрашающий символ, вот в чем было его значение. Впрочем, Никиту Фуникова, изменника № 2, шедшего по списку сразу после И.М. Висковатого, пытали именно водой: «телохранитель, схватив чашу холодной воды, обливает его (Фуникова. - А.Ю.), а другой водой кипящей, и с сильной яростью они поливают его то холодной, то теплой водой, пока он не испустил дух». Не зря напугались москвичи: знаковая функция этого зрелища «читалась» без труда, а смена холодной и горячей воды в казнях людей буквально иллюстрировала адское наказание.

Другое типичное наказание – рассечение человеческого тела. Едва ли не каждая казнь сопровождалась подобным актом, в навязчивой повторяемости которого нетрудно увидеть апокалиптический смысл: ведь осужденного раба из евангельской притчи «рассекают». Любопытен контекст этой притчи: **«Бего ради и вы будите готови: яко, в онъже час не мните. Бын Человеческий придет. Кто оубо есть верный раб и мудрый, егоже поставит господин его над домом своим, еже даяти им пищу во время (их); Блажен раб той, егоже, пришед, господин его, обрящет тако творяща: аминь глаголю вам, яко над всем именем своим поставит его. Аще ли же речет злый раб той в сердца своем: коснит господин мой прийти, и начнет бити клеветы своя, ясти же и пити с пияницами: придет господин раба того в день, онъже не**

¹⁸ Покровский Н.В. Указ. соч. С. 362.

¹⁹ Там же. С. 363.

²⁰ Там же. С. 374, 379.

²¹ Шлихтинг А. Указ. соч. С. 46.

чаёт, и в час, онъже не вестъ, и растешетъ его полма, и часть его с неверными положит: ту будетъ плачь и скрежетъ зѣвомъ» (Мф. 24. 44-51)²². С.С. Аверинцев отмечал, что в притче дан «не образ пытки, а образ умерщвления»²³.

Рассеченные человеческие тела бросались на съедение птицам, животным, рыбам. В Откровении Иоанна Богослова смерть является в образе всадника на коне бледном, за ним следует ад, которому дана власть умерщвлять «оружием и голодом и смертью, зверми земными» (Откр. 6.8). В лицевых апокалипсисах XVI в. иллюстрируется, как звери земные во время адских наказаний грешников поедают людей²⁴. Обратим внимание на связь некоторых наказаний именно с животными.

Царь не мог лишить убиенных возможности стоять на Страшном Суде. Наказывая смертью, он обрекал людей на мытарства. По представлениям той эпохи, душа по разлучении с телом подвергается испытаниям; ей как бы показывают содеянные при жизни грехи. Если душа проходит испытания, то попадает в рай, в противном случае ее ожидает ад. «Эти мытарства, – писал Н.В. Покровский, – представляют собой лишь процесс частного суда над душою...» Анализируя лицевые апокалипсисы XVII-XVIII вв., исследователь обнаружил, что в них «мытарства... или собственно грехи сопровождаются олицетворением в виде зверей, птиц и пресмыкающихся». Например, в некоторых миниатюрах собака – это олицетворение зависти; козел – это блуд; медведь – это «чревобесие»²⁵. Н.В. Покровский не ставил перед собой задачи выявить время возникновения этих представлений. Характерны ли они были для XVI в.?

Анализ опричных казней дает основания полагать, что символическое соотнесение грехов человеческих с животными существовало и раньше (вопрос этот еще нуждается в специальном исследовании). Мы лишь отметим то, что бросается в глаза, что очевидно. А. Шлихтинг описал такую любимую «забаву» царя: «Если тирану любо усладить свою душу охотой в Александровском дворце, то он приказывает зашить кого-нибудь из знатных лиц в шкуру медведя и зашитому выступать на четвереньках, на руках и на ногах. Наконец, он выпускает собак чудовищной величины, которые, принимая несчастного за зверя, разрывают и терзают его на глазах самого тирана и сыновей его...»²⁶. Подобной казни был подвергнут и новгородский архиепископ Леонид, который, согласно летописному рассказу, был затравлен собаками, «в медведно ошив». Джером Горсей описал «обратный» вариант, в котором медведь был настоящим, а жертвой его – человек. «В день св. Исайи царь приказал вывести огромных диких и свирепых медведей из темных клеток и укрытий, где их прятали (...) Потом привезли в специальное огражденное место около семи человек из главных мятежников, рослых и тучных монахов, каждый из которых держал крест и четки в одной руке и пику в 5 футов длины в другой, эти пики дали каждому по великой милости государя. Вслед за тем был спущен дикий медведь, который, рыча, бросался с остервенением на стены: крики и шум людей сделали его еще более свирепым, медведь учуял монаха по его жирной одежде, он с яростью набросился на него, поймал и раздробил ему голову, разорвал тело, живот, ноги и руки, как кот мышь, растерзал в клочки его платье, пока не дошел до его мяса, крови и костей...»²⁷. /С.55/

Царские казни не воспринимались современниками только как жестокость. Источники фиксируют, что «язык» опричных казней был им понятен. А.М. Курбский, призывая царя покаяться, писал в третьем послании, что «Господь повелевает никого же прежде Бѣда (Страшного. А.Ю.) осуждати»²⁸.

²² Ввиду того, что в Острожской Библии 1581 г. нет разбивки текста на стихи, цитаты даются по Елизаветинской Библии. Разночтения в этих двух изданиях несущественны в рамках нашей темы.

²³ Аверинцев С.С. Ад // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 37.

²⁴ Буслаев Ф. Свод изображений из лицевых апокалипсисов. СПб., 1884. Ч. 1. № 101.

²⁵ Покровский Н.В. Указ. соч. С. 372-373.

²⁶ Шлихтинг А. Указ. соч. С. 30.

²⁷ Горсей Дж. Записки о России XVI – начала XVII в. М., 1990. С. 66-67; Псковские летописи. Вып.2.М., 1955. С. 262.

²⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 107.

Представленный выше материал ничего окончательно не доказывает, обозначая лишь весьма вероятную связь большинства опричных казней с эсхатологической идеей. Этот материал заставляет задать два важных вопроса, ответы на которые, возможно, и позволят понять действия царя. Итак, в чем же заключалась суть ожиданий Страшного Суда на Руси в XV-XVI вв.? Как эти ожидания соотносились с осмыслением функций великокняжеской власти?

Как известно, в 1492 г. от Рождества Христова кончалась седьмая тысяча лет по другому счету времени – от Сотворения мира. Церковная пасхалия доводилась до семитысячного года, а против последней даты на одной из рукописей кем-то было даже написано: **«Зде страх! Зде скорвь!...»**

Одно из первых предположений о конце света в 7000 г. было высказано еще в первые века христианства. Так как тысяча лет пред Богом, «яко день един» (Пс. 89, 5; 2 Петр. 3.8), то именно семь дней творения стали прообразом для ожидавших Парусии.

В IV в. дни творения стали сравнивать иначе: предполагалось, что по истечении шести тысяч лет будет первое воскресение праведных – для наслаждения благами тысячелетнего царства, в продолжение которого сатана будет заточен. Лишь по истечении седьмой тысячи лет последует общее Воскресение, Суд и новое устройство Земли и Неба. Когда шеститысячный год прошел, пытливые гадания были перенесены на тысячный год от Рождества Христова, а также на семитысячный год от Сотворения мира.

С XIV в. в Византии идея о кончине мира уже прочно связывалась с завершением седьмого тысячелетия: это нашло отражение в богослужебных книгах²⁹. Впрочем, христианские историки, каждый по-своему оценивая исторический промежуток времени до Рождества Христова, получили несколько вариантов эры от Сотворения мира³⁰. По-видимому, ожидания Страшного Суда на Руси в XV-XVI вв. связаны были с многочисленными «правильными» расчетами эры, разброс между которыми мог достигать десятков лет. Кроме хорошо известных дат предполагавшегося конца света, были, конечно, и такие, о которых мы или ничего не знаем или знаем лишь фрагментарно. В пасхалии 1677 г. сохранились два листа XV в., содержащие пасхалию на 6965-6969 (1457-1461) гг. Приведем текст этого весьма знаменательного документа, на который практически никто не обращал внимания: **«В лето 6967 (...) боудет Рожество Антихристо. И боудеть в рождении его трус, таков никакоже николиже не бывал прежде времени того окаянаго, и лютаго, и страшного. И будеть плачь велик тогда по всей земли вселеньскон. И в ты дни зри кру҃г Солнцю и Лу́не, и начну́тъ быти знамения в Них, и гивости звезд на небеси, а плачь на земли. Оувы, оувы, будет нам, грешным, тогда горе, беда велика в ты дни и в лета сия. Зде страх, зде скорвь, зде беда велика! В распятии Христове сии кру҃г бысть (вот, видимо, основа расчета конца света. – А.Ю.), и сие лето на конци явися, в няже чаем всемирное твое Пришествие от (! – А.Ю.) Владыко. Оумножишася беззакония на земли, пощади нас, о Владыко»**³¹.

Чем ближе был 1492 год, тем больше накалялась атмосфера: даже обнаружение ереси в Новгороде в 1487 г. отвечало духу времени, о котором Иосиф Волоцкий сказал с огорчением: **«... вси о вере пытаются»**. Новгородские еретики мрачно намекали на исход Суда Божьего: **«Только изойдут лета, и мы ден будем надобны»**. Главный гонитель ереси новгородский архиепископ Геннадий, завидуя испанской инквизиции, мечтал о расправе с инакомыслящими еще до Второго пришествия. В 1490 г. на церковном соборе еретики были осуждены и многие из них сурово наказаны. В одном из публичных наказаний еретиков их недвусмысленно сравнивали с воинством сатаны, который, по эсхатологическим представлениям, должен был явиться незадолго до Страшно

²⁹ Древние русские пасхалии на осьмую тысячу лет от Сотворения мира // Православный собеседник. Казань, 1860. Ч. III. С. 347.

³⁰ Хавский П.В. Взгляд на хронологию еврейскую, христианскую вообще и русскую в частности. СПб., 1849; Климишин Н.А. Календарь и хронология. М., 1985. С. 233-238.

³¹ РГБ ОР, ф. 310. № 441. л. 54 об. – 55 об.

го Суда.

Семитысячный год завершился, а день сменялся ночью, и солнце светило по-прежнему³². Отравляющее неверие вторгалось в души людей. Иосиф Волоцкий упрекал митрополита Зосиму в том, что даже он был поражен этим страшным вирусом и якобы говорил: **«А что то Царство не-весное? А что то Второе пришествие? А что то въскресеиe мертвым? Ничего того несть, а умер, кто ин, то умер, по та места и был»**³³. /С.56/ Впрочем, временное затишье сменялось волнами новых ожиданий. В составе одной пасхалии XVII в. находим подобные отголоски: **«Сказание о глаголющих, что ради несть Второго пришествия Христова долго (! – А.Ю.), а уже время ему быти. Святини бо апостоли писали, яко Христос родися в последняя лета, и уже тысяча и пятьсот лет пренде по Рождество Христове, а Второго-де его пришествия несть»**³⁴.

Церковь была готова к тому, что ожидаемое событие не состоится: ведь «никто не вестъ числа веку», кроме Бога Отца. От имени митрополита было написано «Изложение пасхалии». 27 ноября 1492 г. на церковном соборе митрополит Зосима изложил пасхалию на 20 лет. Церковь всячески опровергала ту мысль, что конец пасхалии указывает на кончину мира: **«Гмиренный Зосима, митрополит всея Руси, трудолюбие потщався написать пасхалию на осьмью тысячу лет, понеже чаем всемирного Пришествия Христова на всякое время...»**³⁵. Обратим внимание на любопытную особенность первых пасхальных расчетов: Церковь заявляла, что никому не известно искомое время, и при этом не предлагала так называемую вечную пасхалию, хотя правила ее составления были уже известны. В этом отношении особенно интересна история другой пасхалии, которую митрополит Зосима в 1493 г. поручил составить архиепископу Геннадию. Новгородский архиепископ продолжил пасхальные расчеты до 70-го года восьмой тысячи лет (включительно). В толковании на свою пасхалию Геннадий объяснял правила составления вечной пасхалии. Он впервые описал великий миротворный круг (532-летний период, по прошествии которого числа Пасхи повторяются). Пасхалию теперь можно было составить на сколько угодно лет. Тем не менее Геннадий ограничился семьюдесятью годами. Случайно? Если цифра «20» скорее всего плод рациональной мысли митрополита Зосимы, то пасхалия митрополита Геннадия такого впечатления явно не производит. Лишь в 1540 г. (прежде, чем прошли 70 лет геннадиевской пасхалии) священник новгородского Софийского собора Агафон по поручению будущего митрополита Макария составил пасхалию на всю восьмую тысячу лет. В ней подчеркивалось: люди не должны думать, будто до истечения этой пасхалии не может наступить кончина мира. Тексты двух пасхалий перекликаются: в геннадиевской наставительно утверждалось: **«... да на то плошиться не подобает, но ждати Пришествия Христова на всякое время: безвестно бо сие уставлено»**; в пасхалии 1540 г. читаем: **«Бей круг великий миротворный индиктион конца не имать, да на то плошиться не подобает»**³⁶. Таким образом, геннадиевский расчет на 70 лет как бы оставался в силе.

Еще в 1489 г. Димитрий Траханиот, близкий к Софье Палеолог, в ответ на запрос архиепископа Геннадия, составил трактат «О летах седьмой тысячи»³⁷. Он повторил азбучную истину, что

³² Срок ожиданий «светопреставления» был строго ограничен – между 12 июля 1492 г. и 27 января 1493 г., когда «с недели мытаря и фарисея начинался очередной пасхальный цикл 7001 лета» (Плигузов А.И., Тихонюк И.А. Письмо Дмитрия Траханиота новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмиричности счисления лет // Естественно-научные представления Древней Руси. М., 1988. С. 51-75).

³³ Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 142-143, 181-183; Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 218-219.

³⁴ РГБ ОР, ф. 310, № 435, л. 60-114 об. О настроениях эпохи см. также: Алпатов М.В. Памятник древнерусской живописи конца XV века. Икона «Апокалипсис» Успенского собора Московского Кремля. М., 1964; Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 135.

³⁵ Древние русские пасхалии на осьмью тысячу лет от Сотворения мира. С. 349.

³⁶ Там же. С. 350-353.

³⁷ Плигузов А.И., Тихонюк И.А. Указ. соч. С. 57; Флоря Б.Н. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV – начала XVI в. Политическая и культурная деятельность // Руско-Балкански културни връзки през

никто не знает «числа веку», но заявил, однако, за несколько лет до ожидаемой даты, что сакральное значение имеет число «7», что конец мира наступит «**в седьмом числе**». Если проходит семитысячный год, значит надо ждать, когда «**свершится и от иных седмиц**». Траханиот писал: «**А уже седмая тысяща ствъръшается, то подобает ствъръшиться и от иных седмиц или одной, или двум, или и всем. Гиречь семь лет или 70 или 700, или въкупѣ седми тысящи и 777, вѣще, еже кто вѣсть. Христѹ глаголющу к учеником своим: о дни же том и часѹ никто же вѣсть, ни ангели, ни Сын, токмо Отец**». Как же быть? «**Седмюю же тысящу подобает человеку помини, заньже от разсѣждение сие удръжася в людех, а не верити, понеже ни от Бога сие речено, ни от ангел, ни от пророк...**»³⁸.

Итак, расчет пасхалии на 70 лет вполне символичен. Конец мира, даже по мнению такого ортодокса, каким был архиепископ Геннадий, мог наступить в 7070-м или в 7077 г. Напряженность в русском обществе возрастала по мере приближения символических дат³⁹. Иван Грозный находился в исключительном положении и просто не мог не думать о возможности скорого конца мира. Исключительность этого положения определялась той ролью, которая в общественно-религиозном сознании эпохи отводилась государю. Как известно, главная черта наступления последних («злых») времен сводилась к тому, что «умножится беззаконие», наступит последняя решающая битва добра со злом; появятся предтечи антихристовы, люди станут отрекаться от Христа...

Между тем в сознании средневековых людей власть светская (как мы ее сегодня называем) отнюдь не была таковой по существу, ибо господствовало твердое христианское убеждение, что нет власти не от Бога. Более того, власть государя уподоблялась власти Божьей. Василий Грозной писал Ивану Грозному: «**Ты, государь, аки Бог, и мала и велика чинишь**». /С.57/ А Даниэл Принц из Бухова так передал психологию отношения обыкновенных русских людей к великокняжеской власти: «...они не знают, что должно думать о своем князе: «Бог и не Бог, человек, но больше человека»⁴⁰. В этой связи интересно, что такое уподобление власти Божьей выражалось порой в привычных для государева двора терминах. С. Герберштейн писал: «Они прямо заявляют, что воля государя есть воля Божья, и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божьей. Поэтому также они именуют его ключником и постельничим Божиим и вообще веруют, что он - свершитель Божественной воли...»⁴¹. Если бы это обстоятельство не удивило С. Герберштейна, вряд ли бы он отметил его: для любого иностранца такая сакрализация власти была необычной хотя бы потому, что с XIII в. сакрализация власти европейского короля осуществлялась через посредство юстиции (король – *pater et filius justitiae*)⁴².

В послании Таубе и Крузе отмечается одна, на первый взгляд, неожиданная сторона в обосновании власти великого князя. Речь идет о том, что сам митрополит Афанасий, узнав о введении опричнины, обратился к царю с увещаниями: «в Москве и его стране так много святых отцов и чудотворцев, бесчисленное множество душ которых посланы к Богу как верные просители за него и за святую Русскую землю; митрополит просил великого князя еще раз все обсудить и обдумать. При этом он указывал, что нет у великого князя недостатка ни в деньгах, ни в золоте, ни в богатстве. Он один и единственный как *глава Православной христианской церкви и избранный властелин истинной апостольской веры*. И если он не знает, являются ли его обширная страна, города, неисчислимое множество людей, неопикуемые сокровища золота и серебра – временным и преходящим или единственно важным, то все же должен же он подумать о святых чудесных подвигах, и о единой христианской религии, которая благодаря его отречению и передаче власти и

средневековисто. София, 1982. С. 123-143.

³⁸ Плигузов А.И., Тихонюк И.А. Указ. соч. С. 74.

³⁹ Гольдберг А.Л. Идея «Москва – Третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в. // ТОДРЛ. Т. 37. 1983. С. 139-149; его же. Три «послания Филофея» // ТОДРЛ. Т. 29. 1974. С. 68-97.

⁴⁰ Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. М., 1877. С. 29.

⁴¹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 29. /С.72/

⁴² Kantorowicz E. The King's Two Bodies. Princeton, 1957.

благодаря семени еретиков будет загрязнена и даже в худшем случае уничтожена»⁴³. Подобное известие можно бы отвергнуть на том основании, что иноземцу непонятна наша действительность, если бы не одно «но»: в Александро-Невской летописи тоже передается содержание тех бесед, которые шли в разных кругах после объявления опричнины. **«Глышав же снѧ, пресвященныи Ѧфонаси митрополит всеа Р҃сини и архіепископы и епископы и весь освященный собор, что ихъ для грѣхов снѧ сключншасѧ, государь государство оставил, зело о семъ оскорбещѧ и в велице недоумении быша. Бояре же и околничіе и дети боярскіе и все приказные люди (...) передъ Ѧфонасиемъ митрополитомъ всеа Р҃сини и передъ архіепископы и епископы и предъ всемъ освященнымъ соборомъ с плачемъ глаголюще (...) И иная многая словеса подобная снхъ изрекоша ко Ѧфонасию (...) чтобы Ѧфонаси митрополит (...) умолил, чтобы государь царь и великий князь гневъ свой отовратил, милость показал и опалу свою отдал, а государства своего не отставляя и своими государствами владел и правил, якоже годно ему государю; а хто будетъ государьскіе лиходѣи, которые изменныя дела делали, и в техъ ведаетъ Богъ да онъ, государь, и в животе, и в казни его государская воля: «...Ѧ мы все своими головами едемъ за тобою, государемъ святителемъ...»⁴⁴.**

Судя по всему, во время опричнины царь возложил на себя особые пастырские функции, что не явилось неожиданностью для многих, как видно из приведенных текстов, и легко было принято «всенародным множеством» в силу традиционной сакральности царской власти в России. В русской элитарно-богословской среде положение великого князя рассматривалось как вполне ясное, структурно оформленное. Христос – Правда Истинная – будет вершить свой последний Суд; каждый христианин обязан для спасения собственной души исполнять «всякую правду»; великий князь в этой структуре был правдой «мира сего». В **«Наказании князьямъ, иже даютъ волость и судъ невоговойнымъ и лукавымъ мѹжамъ»** (из Мерила Праведного XIV в.) читаем: **«Боже, судъ твой царевнѣ даждь и правду твою сыновнѣ царевѹ, храня истину в веки и творя судъ обвиненнымъ (...) и честь царя (земного. - А.Ю.) – судъ любить, и правда с небесе приниче, еже есть Христосъ, Божия сила и премѹдрость (...) Князи и вся судья земскіе слѹги Божия сѹть, по Павлу (...) Богъ в собе место избра васъ на земли и на своемъ престоле, взнесъ, посади (...) Писано есть: князь мира сего правда»⁴⁵.** Таким образом, превращение великого князя в государя-святителя объяснимо наступлением времени Страшного Суда. Правда «мира сего» должна уступить место Правде Истинной. В **«Наказании князьямъ...»** особо подчеркивалась ответственность князя за содержание «истины в неправде», за попустительство беззаконию.

Итак, уподобление власти царя власти Божьей, разумеется, не прошло мимо сознания Ивана Грозного и стало едва ли не главным мотивом его деятельности. /С.58/ Р.Г. Скрынников справедливо отмечал, что первое послание А.М. Курбскому – это «программный документ» опричнины⁴⁶. Обратимся же к нему, дабы понять личное отношение царя к этой проблеме и замысел опричнины.

Главные этические понятия, о которых спорили Грозный и Курбский, не только соотносились с грядущим Страшным Судом, но и прямо вытекали из представлений о нем⁴⁷. **«Почто,**

⁴³ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 33.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 342.

⁴⁵ Памятники старинной русской литературы. Вып. III. СПб., 1862. С. 184.

⁴⁶ Скрынников Р.Г. О заготовке первого послания Ивана IV Курбскому и о характере их переписки // ТОДРЛ. Т. 33. 1979. С. 226.

⁴⁷ Сергеев В.М. Структура текста и анализ аргументации первого послания Курбского // Методика изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М., 1989. С. 118-130. Представления средневековых людей о Страшном Суде исследуются в работах И.Н. Данилевского, посвященных Повести временных лет. См., напр.: Данилевский И.Н. Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история. 1995. № 5. С. 101-110. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить И.Н. Данилевского, моего коллегу и друга, за ценные замечания и советы при доработке рукописи. Подъем интереса к этой тематике отмечен специальной диссертационной работой: Якеменко Б.Г. Эсхатологическая идея в культуре средневековой России: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1996.

о княже, аще мнишися благочестие имети, едиnorodнiю свою дшш отвергн еси? Что же даси на ней измену в день Страшного Буда?» – вопрошал царь. Иван IV не сомневался в том, что Курбский «тела ради, дшш погубил», потому что «презрел» слова апостола Павла: «**Всяка дшш владыкам превладающим да повинуется**». Царь определял словом «отступник» состояние человека, не пожелавшего беспрекословно подчиниться монарху. Смысл этого религиозно-политического отступничества очевиден: «**Противляйся власти Богу противится**»⁴⁸.

Отступничество (измена) и праведность (благочестие) – вот основные императивы-антиподы в сознании Грозного. Праведен (благочестив) тот, кто никогда не выступает против воли Господа. Почему слуга Курбского Васяка Шибанов сохранил благочестие? Потому, что он «**пред царем и пред всем народом, при смертных вратех стоя**», не забыл своего крестного целования, верно служа своему господину. Князь же и на «**человека възъярився**», и на «**Бога възстал**».

Итак, мир устроен благочестиво, если царь владеет своими «рабами», а они безоговорочно повинуются ему. Грозный обвинял Курбского и его единомышленников в том, что они «бесподобно» попытались поколебать «благочестие», а державу, данную ему от Бога и прародителей, присвоить себе. Благочестие – идеальная основа мироустройства. Никому не дано менять иерархическую структуру, в которой государь – слуга Царя небесного.

Какой же предстает модель поведения царя, исходя из этой концепции? Грозный в первом послании А.М. Курбскому обосновывает религиозные права на власть. Он ссылается на соборное послание апостола Иуды (Иуд. 1. 22-23): «**Овех убо мнлцйте, разсуждающе, овех же страхом спасайте, от огня (адского. – А.Ю.) восхлщающе**». Ссылка на апостольское послание симптоматична. В нем идет речь о Суде Божьем, о тех, кто оскверняет плоть, отвергает «начальства и злословит высокие власти» в последние времена (Иуд. 1.8). Из слов апостола Иуды Иван Грозный делает логический вывод: «**Видиши ли, яко апостол страхом повелевает спасти? Тако же и во благочестивых царех и временех много обрящеши злейшее мучение**»⁴⁹.

Иван IV постоянно обращался к истории христианской Византии, погибшей в 1453 г. под ударами турецкого султана Мухаммеда II. Грозный не случайно сопрягал времена: царство спасается сильной властью, а губится «рабами». В византийской пророческой литературе возможное падение Царьграда связывалось с «кончиной мира». Главным знаком приближающегося конца света, говорилось в пророчествах, будет захват мусульманами православного царства. В 1453 г. худшие опасения оправдались, и русский составитель летописи с редкой уверенностью написал: до наступления Страшного Суда осталось Только 40 лет. Бремя ожиданий заставляло людей и по прошествии семитысячной даты вновь и вновь возвращаться к мысли о падении христианской державы и думать о коллективном спасении⁵⁰. Царь писал: «**Нигде же убо обрящеши, еже не разоритися царству, еже от попов владому. Ты же убо по что ревнуеши а иже во гресех царствне погубиша и турком повинующимся? Сию убо погивель и нам советуеши? И сия убо погивель на твою главу паче да будет! Сего ради сему подовен еси, яко же апостол пишет к Тимофею: «Чадо Тимофее, се же веждь, яко в последний дни настанут времена люта; будут человецы самолюбцы, сребролюбцы, облазиви, горди, хулиницы, противящиеся родителем своим, неблагодарни, непреподовни, нелюбиви, наветохраниви, прелэгати, невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы, предатели, продерзливи, возносливы, сластолюбцы, паче нежели боголюбцы, имуще образ благочестия, силы же его отвергошася»**»⁵¹.

Царское благочестие может и должно порождать «злейшее мучение». «**Како же не стыдишися злодеев мученики нарицати, не разсуждая, за что кто страждет?**» Со ссылкой на Иоанна Златоуста и Афанасия Великого, царь пишет: «**Мучими бо суть татие, и разбойницы, и**

⁴⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 13-14.

⁴⁹ Там же. С. 18.

⁵⁰ Юрганов А.Л. Идеи И.С. Пересветова в контексте мировой истории и культуры // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 15-27.

⁵¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 20-21

злоден, и прелюбодеи: таковы убо не блажени, понеже грех ради своих мучими бысть, а не Бога ради».

Пролитие крови тех, кого царь считает грешниками, оправдано самой сутью царской власти. **«Вспомяни же и в царех великого Константина: како царствия ради, сына своего, рожденного от себе, убил есть!»** – писал царь Курбскому, еще не зная, что ему самому предначертано стать сыноубийцей. **«И князь Федор Ростиславичь, прародитель ваш, в Смоленце на Пасху колики крови пролиал есть! И во святых (и Федор Ростиславич, и император Константин. – А.Ю.) причитаются!»** /С.59/

Святость и благочестие сосуществуют в царе вместе со страстью к «пролитию крови» тех, кто «сопротивен» власти. **«Какое же убо и Давид, иже обретется Богу по сердцу и хотению, како повеле Давид, да всяк убивает усенна и хромых и слепых, ненавидящих душа Давидовы, егда не прияша его во Иерусалим? Какое же их причтеша в мученики, яко не хотевшим от Бога даннаго царя прията? Какое же рассудиши и се, еже тако во благочестии царь и на немощной чади силу свою и гнев показа? Или убо нынешнии изменники не равно ли сим злобу сотвориша? Но паче и злейше. Они убо точно возбраниша приход и не успеха ничтоже, сии же приятаго от них, Богом им даннаго, и рождшагося у них на царстве царя, преступив крестную клятву, и отвергшеся...»**

Каким представлялся Грозному идеал царя? «Подобает быти» всегда «обозрительным», иногда «кротчайшим», иногда – «ярим». К «благим» проявлять милость и кротость, ко злу – «ярость и мучение, аще ли сего не имея, несть царь»⁵².

Мы подошли к трудному для современного сознания вопросу о спасении. Согласно средневековой религиозной традиции. Божье праведное наказание, приводящее к смерти, в конечном счете ведет к спасению души. В Каноне и молитве ангелу Грозному воеводе, сочиненных, как считает Д.С. Лихачев, Иваном Грозным под псевдонимом Парфений Уродивый (даже если дальнейшие исследования авторства не подтвердят, значение памятников от этого не уменьшится), нашли отражение общественные идеи о сути Божьего наказания⁵³. Архангел Михаил в преддверии Божьего Суда наказывает грешников и содействует их спасению: **«Смертью нас назирает, и от суеты мира избавляет, и на Суд праведни ко Христу представляет, и от вечных мук избавляет...»** О.А. Добиаш-Рождественская, изучавшая культ архангела Михаила, писала: «Он (архангел Михаил. – А.Ю.) почти на границе добра и зла. Борясь за добро, он часто бывает яростен; иногда бесцельно жесток. Он карает, убивает, сечет розгами, уносит смерчем, ударяет молнией. Это гневный Бог и святой сатана»⁵⁴, А.М. Панченко и Б.А. Успенский справедливо отмечали, что архангел Михаил был для самодержца «учителем», образцом монаршего поведения⁵⁵. Являясь носителем Божественной воли, великий князь как бы обретал право на наказание именем Бога. В пылу спора с Курбским, не отказываясь от идеи, что именно он принуждает грешников испивать **«чашу ярости Господни»**, царь не оставляет им даже надежды на спасение: **«Аз же верую Страшную Спасову Судницу, хотящим прияти душам человеческим с телесы, с ним же содеяше, кождо противу делом его, вси вкупе в едином лице неразлучении надвое: и царие и худейшая чадь яко братия истязуеми будут, кождо противу делу своему (...) Аз же исповедаю и вею, яко не токмо тамо мучения, иже зле живущим и преступающим заповеди Божия, но и здесь праведнаго Божия гнева, по своим злым делом, чашу ярости Господня испивают и многообразными наказаниями мучатся, по отшествии же света сего, горчайшее осуждение приемлюще, ожидающе праведнаго Судища Спасова, по осуждении же безконечная мучения прием**

⁵² Там же. С. 19.

⁵³ Лихачев Д.С. Канон и молитва ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 10-28.

⁵⁴ Добиаш-Рождественская О.А. Культ святого Михаила. Пг., 1917. С. 46.

⁵⁵ Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // ТОДРЛ. Т. 37. 1983. С. 54-78; см. также: Успенский Б.А. Царь и Бог // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. М., 1994. С. 110-218.

лют...»⁵⁶.

Объясняя опричнину, дьяк Иван Тимофеев так определил ее смысл, понятный современникам: **«От ꙗмышления же зельныя ярости на своя рабы подается толк, яко возненавиде гради земли своея вся и во гнѣве своем разделением раздвоения един люди раздели и яко двоeverны сотвори, овы ꙗсвоѣя (избирая себе. – А.Ю.), овы же отметахся, яко чюжи отрину...»**⁵⁷. Для Тимофеева главное опричное событие – новгородский погром. Своему описанию он дает пространный заголовок, в котором находим такие слова: **«О пролитии крови острия меча во гнѣве ярости царевы на град светлый»**. Дьяк не отстраненно описывает этот погром, а так, как будто он был там, что дает возможность приблизиться к восприятию опричнины ее, так сказать, младшим современником: **«Яко всяко место телес наполнися падших ото ꙗбывающих рꙋк, дотолка ве, яко не мощи пожирати тꙋпня мертвых всея твари животным, яже по земли рыщущим, и яже в водах плавающим, и яже по воздухꙋ парящим, яко довленым быти им и чрез потребу, множайшим же плотем невре-гомьм за страх и согнивающим, гроб им вѣше место их (...) Подовну же бывшего на мя всего царева гнева не ве возможно ꙗбозей сей хартийце вместити, ниже кому от земных количество погꙋбления людий исчеисти, их же число токмо Божия Бꙋда день обявит в пришествие его»**. Тимофеев особо отмечает время царева гнева – шел 7078 год. И сравнивает цифру «78» - с 78-м псалмом (**«Лето же время царска гнева на мя тогда течаше к седми тысячам 78-е, может же о сих исполнити всяко словесы непостижения моего скꙋдость тождество числа самого всего псалма сила и соседствꙋющего емꙋ 79-го крепость глаголом во исполнение даст»**⁵⁸). /С.60/ Такая символическая трактовка новгородского погрома интересна: и в 77-м, и в 78-м псалмах речь идет о Божьем наказании, в 79-м – о спасении. **«И преложи в кровь реки их и источники их, яко да не пинют. Посла на ня песия мꙋхи, и поядоша я, и жабы, и растли я. И даде рже плоды их, и тꙋды их прꙋгом. Оуби градом винограды их и черничие их сланою. И предаде граду скоты их, и имение их огню. Посла на ня гнев ярости своея, ярость и гнев и скорбь, послание аггелы лютыми»** (Пс. 77. 44-49). 78-й псалом уже прямо перекликается с описанием погрома: **«Боже, придоша языцы в достояние твое, оскверниша храм святыи твой, положиша Иерꙋсалим яко овощное хранилище; положиша тꙋпня раб твоих врашно птицам небесным, плоти преподовных твоих зверем земным. Пролияша кровь их яко воду окрест Иерꙋсалима, и не ве погребаяй. Быхом поношение соседом нашим, подражние и порꙋганье сꙋщым окрест нас. Доколе, Господи, прогневаешися до конца; разжжется яко огонь рвение твое»** (Пс. 78.1-5). Говоря о смерти Ивана IV, И. Тимофеев пишет: **«Мечь во десница его с воздухꙋ долꙋ не тꙋне (не напрасно. – А.Ю.) свожашеся на противныя, ниже престая ощути...»** Меч в правой руке – символ Божьего праведного наказания, перекликающийся с текстом 77-го псалма (**«И затвори во оружии люди своя и достояние свое презре...»** – Пс. 77.62).

Иван Грозный видел главную свою функцию в наказании зла «в последние дни» перед Страшным Судом. Мы никогда до конца не узнаем, в какой хронологический момент и почему царь решил начать опричнину. Одно можно сказать достаточно определенно: пассивно ждать он не мог, будучи убежден в своей особой миссии. **«Аз же ꙗбо верꙋю, о всех своих согрешениих вольных и невольных сꙋд прияти ми, яко рабꙋ, и не токмо о своих, но и о подвластных дати ми ответ, аще что моим несмотрением погрешится»**⁵⁹. Прошел 7070 (1562) год. Зло и беззаконие нарастают, каков же выход? Вся русская история, создавшая особый тип сакрализованной монархии, подвела его к мысли начать собственную борьбу со злом, как он его понимал. Промежуток времени между 1562 г. и известным нам по источникам началом опричнины составляет око

⁵⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 39.

⁵⁷ Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 11.

⁵⁸ Там же. С. 13.

⁵⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 39.

ло трех лет. В Откровении Иоанна Богослова несколько раз подчеркивается, что перед Вторым пришествием будет период ожесточенной борьбы сил добра и зла. Этот период хронологически был точно определен. Три с половиной года, или тысячу двести шестьдесят дней, будет, по словам Андрея Кесарийского, «владычествовать отступление». К цифре этой относились чрезвычайно серьезно. В завершающем Геннадиевскую Библию тексте находим **«Раздрешение неизреченного откровение»**: в последнее время **«отрешится сатана по праведному суду Божию и прельстит мир до реченного ему времени, еже три и пол лета, и потом будет конец»**⁶⁰. Эту цифру протопоп Аввакум упомянул в «Письме Афанасию», написанному в 1669-1670 гг. Староверы ждали наступление Страшного Суда в 1666 г., но осознавалось это наступление не как одномоментный акт, а как процесс. Вот почему именно к 1669-1670 гг. относятся глобальное обращение Аввакума к «братии на всем лице земном» и комплекс других посланий с ярко выраженным эсхатологическим содержанием. Иван Грозный не стал ждать истечения срока...

В эсхатологических трудах восточных отцов Церкви смерть не считалась злом. Она следствие первородного греха и вместе с тем величайшее благодеяние для человека. Смерть для тела сравнивали с плавильной печью, в которой оно восстановится чистым и нетленным. Согласно учению Григория Нисского (отголосок которого чувствуется в представлениях Грозного), душу можно погубить грехом, но погибает она, оставаясь бессмертной. Потому смерть, учил Григорий Нисский, благодетельна для человеческой души. Несмотря на различия (правда, в деталях) в описаниях преисподней, в святоотеческой литературе было единодушие в отношении того, что даже адские мучения для грешников имеют вид положительного наказания. Ярость наказания Божья служит врачебным средством для очищения души. Ориген даже признавал (это мнение не стало всеобщим), что, загробные мучения имеют временный характер; «вечные муки» – лишь педагогическое устрашение⁶¹. Григорий Нисский писал, что если во время земной жизни «душа остается неуврачеванной», то ей придется лечиться в будущей жизни; адские муки имеют «целительный характер»⁶².

В «Диоптре, или Душезрительном зеркале», произведении византийского монаха XI в. Филиппа Монотропа, переведенном в XIV в. и весьма популярном на Руси, находим: **«Смерть во, прочее, не мученье вываает, но врачеванье добрейше и спасенье паче, и смотренье, державная, премудрости исполнено, удерживает во яко намнозе греха устремление, умры во, рече, оправдися от нея»**⁶³. Отношение к смерти нашло своеобразное отражение и в коротком завещании Нила Сорского; **«...повергните тело мое в пустыне сей, да изъядят е зверие и птица, понеже согрешило есть к Богу много и недостойно есть погребения. Аще ли сице не сътворите, и вы, ископавше ров на месте, идеже живем, с всяким безчестием погребите мя»**⁶⁴. /С.61/

В Каноне ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого также нашли отражение эти традиционные представления: **«Бгда придет время твоего прихода, святыи ангеле, по мене грешного имрек разлучити мою душу от убогого ми телеси, – вниди с тихостию, да с радостию усьрашу тя честно (...) Царя Невесного слуга и предстатель престолу Божию, святыи ангеле, смерть принося нам, измени нас добротою здания твоего и приведи нас к свету светлейшему буди...»** Об очистительном характере наказаний читаем: **«От Бога посланному, всех ангел пристрашен еси, святыи ангеле, не устраши мою душу убогую, наполненну злосмрадия, и очисти, и престви ю престолу Божию непорочну»**⁶⁵.

⁶⁰ Библия, 1499 года и Библия в синодальном переводе с иллюстрациями. Т. 8. М., 1993. Л. 901 об.

⁶¹ В. Шекспир озвучил эту оригеновскую трактовку в монологе тени отца Гамлета: «Я дух родного твоего отца, / На некий срок скитаться осужденный / Ночной порой, а днем гореть в огне, / Пока мои земные окаянства / Не выгорят дотла» (Пер. Б.Л. Пастернака).

⁶² **Оксиюк М.Ф.** Эсхатология св. Григория Нисского: Историко-догматическое богословие. Киев, 1914.

⁶³ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 92.

⁶⁴ Там же. С. 322.

⁶⁵ **Лихачев Д.С.** Указ. соч. С. 22, 25.

Итак, эсхатологические представления причудливым образом совмещались со взглядами на сущность царской власти в средневековой России. Уподобляя свою Власть власти Божьей, царь соответственно и действовал, «аки Бог»: он имел право на «ярость наказания». А. Шлихтинг описал случай, который трудно понять, не включаясь в систему ценностей людей того времени: «Однажды пришел к тирану некий старец, по имени Борис Титов, и застал тирана сидящим за столом (...) Тот вошел и приветствует тирана; он также дружески отвечает на приветствие, говоря: «Здравствуй, о премного верный раб. За твою верность я отплачу тебе неким даром. Ну, подойди поближе и сядь со мной». Упомянутый Титов подошел ближе к тирану, который велит ему наклонить голову вниз и, схватив ножик, который носил, взял несчастного старика за ухо и отрезал его. Тот, тяжело вздыхая и подавляя боль, воздаёт благодарность тирану: «Воздаю благодарность тебе, господин, за то, что караешь меня, твоего верного подданного». Тиран ответил; «С благодарным настроением прими этот дар, каков бы он ни был. Впоследствии, я дам тебе больший»⁶⁶. Этот будущий дар – смерть от руки государя.

* * *

Эсхатологические, взгляды царя на опричнину особенно ярко выразились в символике Опричного дворца Ивана Грозного.

Первоначально Опричный дворец намеревались строить в Кремле – между церковью Рождества Богородицы и Троицкими воротами. Но 1 февраля 1566 г. случился пожар, который уничтожил отчасти митрополичий двор и целиком двор Владимира Андреевича. Царь принял решение поставить двор **«за городом, за Неглинною, меж Арбацкие улицы и Никитские, от полого места, где церкви великомученик. Христов Дмитрии да храм святых апостол Петра и Павла, и ограду каменную вокруг добру повеле сделать»**⁶⁷. Дворец строился летом – осенью 1566 г.; 12 января 1567 г. царь переселился в него. Жил он в нем до 3 февраля, пока не отправился в объезд по монастырям. Вернувшись, царь чаще жил в Александровой слободе. Редко наезжая в столицу, он останавливался, видимо, не в Кремле, а во дворце⁶⁸. Каковы же были функции этого дворца?

Подробное и единственное описание Опричного дворца находим у Г. Штадена: «Великий князь приказал разломать дворы многих князей, бояр и торговых людей на запад от Кремля на самом высоком месте в расстоянии ружейного выстрела; очистить четырехугольную площадь и обвести эту площадь стеной; на 1 сажень от земли выложить ее из тесаного камня, а еще на 2 сажени вверх – из обожженных кирпичей; наверху стены были сведены остроконечно, без крыши и бойниц»⁶⁹. Почему дворец царя не был снабжен хотя бы элементарной фортификационной защитой?

В описании Опричного дворца можно выделить основные особенности, помогающие понять замысел царя.

1. Дворец, представлявший собой в плане четырехугольник с равными сторонами, (по 130 сажень каждая), имел при этом не четверо, а только трое ворот, выходивших на север, на юг и на восток. Западных ворот не было вообще. При этом «через восточные ворота князья и бояре не могли следовать за великим князем – ни во двор, ни из двора: эти ворота были исключительно для великого князя, его лошадей и саней». Г. Штаден ошибся в определении северных, а соответственно и южных ворот. Он написал, что северные ворота дворца располагались «против Кремля». Между тем «против» Кремля могли быть только южные ворота Опричного дворца, потому что стена дворца соотносилась с северной стороной Кремля⁷⁰. На чертеже Москвы начала XVII в. обо

⁶⁶ Шлихтинг А. Указ. соч. С. 38; Россовецкий С.К. Устная проза XVI-XVII вв. об Иване Грозном – правителе // Русский фольклор. Т. 20. Л., 1981. С. 71-95.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 350.

⁶⁸ Забелин И.Е. Опричный дворец царя Ивана Васильевича. М., 1893. С. 4-6.

⁶⁹ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника. М., 1925. С. 107.

⁷⁰ Румянцев В.Е. Вид Московского Кремля в самом начале XVII века. М., 1886; Гольденберг П.И. Петров Чертеж Москвы как источник изучения ее планировки конца XVI- начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1966 год. 1968. С. 53-64; Александрович С. Несвижский план Москвы 1611 г. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С.208-227.

значены стороны света, по которым и можно судить о расположении дворца. Следует иметь в виду, что южная стена не могла быть буквально «напротив» Кремлевской стены – надо учитывать ориентировку ворот по направлениям частей света и особенности их определения в русской архитектуре⁷¹. /С.62/ Итак, на юге были ворота, «обитые железными полосами, покрытыми оловом. Здесь находились все поварни, погреба, хлебни и мыльни». Северные ворота были малы: «только один и мог въехать и выехать». Западная сторона не имела никаких построек: здесь была площадь.

Не исключено, что подобное расположение ворот дворца было символическим. Поиск типологически родственной структуры привел нас к описанию Града Божьего, которое дается в 40-й и последующих главах пророческой книги Иезекииля, имеющей, как известно, особое, преобразовательное, значение для христиан. В описании видения обнаруживается одна поразительная деталь: в Граде Божьем, имевшем форму квадрата, тоже было только трое ворот: на север, на юг и на восток; западные ворота отсутствовали! Восточные ворота – главные, выполнявшие особую функцию: **«Глава же Господня вниде во храм по пути врат, зрящих на восток»** (Иез. 43.4). **«И обрати мя на путь врат святых внешних, зрящих на востоки: и сия вяху затворенна. И рече Господь ко мне: сия врата заключенна будут и не отверзутся, и никтоже пройдет ими: яко Господь Бог Израилев внидет ими, и будут заключенна»** (Иез. 44. 1-2).

В видении Иезекииля описываются «последние времена», когда после многих испытаний, выпавших на долю Израиля, Господь, наконец, соединится со своим народом, войдя через восточные врата в Град Божий (**«И рече ко мне: сыне человек, видел ли еси место престола моего и место стопы ног моих, идеже вселится имя мое среди дому Израилева во век»** – Иез. 43.7). Только «старейшина» («князь» в синодальном переводе) имел особое право войти в эти восточные врата, но и то – лишь «путем притвора» (**«И егда входит старейшина, по пути елама (притвора. – А.Ю.) врат да внидет и по пути врат да изыдет»** – Иез. 46.8). В Опричном дворце восточные врата не имели притвора, ибо царь позволил себе входить в священные врата, приготовленные для Господа Бога. Отсутствие западных ворот имеет особый смысл: поскольку речь идет о «последних временах», то с приходом Судии не будет ночи, не будет захода солнца. Точнее говоря, Христос во Втором пришествии сам Солнце незаходящее: этот образ типичен для всей средневековой литературы. В Стоглаве находим: **«солнце правде есть Бог (...) сие праведное солнце Христос Бог наш милосердный...»**⁷². Истоки этих представлений – в пророческой книге Исайи: **«Не зайдет во солнце тебе, и луна не оскудеет тебе: будет во Господь тебе свет вечный»** (Ис. 60.19). Итак, в восточные врата Опричного дворца мог войти только великий князь, но ясно, что подобная привилегия была символична: в эти врата войдет Спаситель.

2. В описании Г. Штадена обращает на себя внимание совершенно необычная церковь, которая «стояла вне ограды перед двором на востоке. Церковь эта была выстроена крестообразно, и фундамент ее шел Вглубь на 8 дубовых сваях; три года (! - А.Ю.) она стояла *непокрытой*. У этой церкви висели колокола, которые великий князь наградил и отобрал в Великом Новгороде». Нет сомнений, что в стране, умевшей возводить храмы за один день, подобного «долгостроя» быть не могло. Иначе говоря, покрывать эту церковь и не собирались. Таким был замысел царя, в котором угадывается символическое толкование Горнего Иерусалима, с которым как прообраз сопоставим Град Божий, описанный Иезекиилем. В нем не будет храма – **«Господь во Бог Вседержитель храм ему есть и Агнец»** (Откр. 20.22). И.К. Языкова пишет: «Храмовая декорация начинает развиваться сверху, от купола. В древних храмах в куполе помещали композицию «Вознесение», что свидетельствует о том, что купольное пространство воспринимали как реальное небо, куда удалился Христос во время Вознесения своего и откуда он придет в день Второго пришествия»⁷³. В лицевых апокалипсисах XVI в. именно как крестообразная церковь без крыши Изображался Си

⁷¹ *Раннопопарт П.А.* Ориентация древнерусских церквей // Славяно-русская археология: Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 139. М., 1974. С. 44.

⁷² Стоглав. Казань, 1911. С. 13.

⁷³ *Языкова И.К.* Богословие иконы. М., 1995. С. 34, 36.

он⁷⁴ – город святых. В нем – праведники и сам Судья-Христос. Воплощение подобной идеи нельзя считать явлением исключительным. Стремление создавать архитектурные ансамбли во образ Нового Иерусалима типично для русского средневековья⁷⁵.

3. На южных воротах, обитых жостью, «было два резных разрисованных льва – вместо глаз у них были пристроены зеркала; и еще – резной из дерева черный двуглавый орел с распростертыми крыльями. Один лев стоял с раскрытой пастью и смотрел к земщине, другой такой же смотрел во двор. Между этими двумя львами стоял двуглавый черный орёл с распростертыми крыльями и грудью в сторону земщины. На этом дворе были выстроены три мощные постройки и над каждой наверху на шпиге стоял двуглавый черного цвета орел из дерева, с грудью, обращенной к земщине». Традиционно считается, что изображения льва и орла в Опричном дворце имели геральдическое значение. Однако невольно возникают вопросы, ответить на которые затруднительно в рамках такого подхода. /С.63/

Почему двуглавый орел был поставлен над тремя воротами (скорее всего, именно их имел в виду Г. Штаден, когда писал о «мощных постройках»)? Чем можно объяснить то, что лев обращен был вовне и внутрь дворца, а вместо глаз имел зеркала? Почему орел в отличие от льва был обращен только в одну сторону – земскую? Чем, наконец, объяснить, что орел обладал «распростертыми крыльями», хотя известно, что в отечественной традиции до конца XVI в. геральдический двуглавый орел изображался с опущенными крыльями?..

Еще А.Б. Лакиер подчеркивал, что геральдические образы нельзя рассматривать только как явления светские: «Что касается до изображений, окружавших орла, то на многих памятниках ваяния XVI и XVII вв. он является не один; напротив, почти всегда он обставлен фигурами: льва; единорога, дракона и грифа... Если и трудно найти положительное объяснение этих фигур, тем не менее можно с некоторого рода достоверностью утверждать, что их значение апокалипсическое»⁷⁶. А.Л. Хорошкевич также обращала внимание на полисемантичесность геральдических знаков и эмблем, находя в них религиозную основу: «В Европе двуглавый орел служил не только символом светской власти. Выступал он и в качестве символа Бога Отца. Орел с распростертыми крыльями, но обращенный головой вниз, украшал созданный в 1225-1230 гг. алтарь кирхи Оддер близ Орхуеа. На средневековой границе Европы и Азии – в Византийской империи, раскинувшейся на территории современной Турции и Греции, двуглавый орел также выступал символом религиозной и светской власти. Это изображение было на знамени вселенского патриарха»⁷⁷.

Таким образом, чтобы объяснить значения льва и двуглавого орла в системе уже показанных нами символов Опричного дворца, следует обратиться к религиозной основе этих образов.

В Откровении Иоанна Богослова читаем: «**И посреде престола и окрест престола** (Божия. – А.Ю.) **четыри животна исполнена очесь спреди и создади**» (Откр. 4.6). Этими животными были лев, телец, человек («**третье животное имущее лице яко человек**») и орел. Зеркала в глазницах льва, смотрящих вовнутрь дворца и в сторону земщины, как бы подчеркивали, что первое апокалиптическое животное «**исполнено очесь**». Первую печать «книги жизни» снял именно лев. Снятие второй печати тельцом символизировало, согласно толкованию Андрея Кесарийского, «**священные жертвы святых мучеников**»; третьим животным, снявшим третью Печать, был человек. «**И видех, и се конь ворон, и седяй на нем имяше мерило в рuce своей**» (Откр. 6.5); «черным конем...» – писалось в толковании – означает плач об отпавших от веры во Христа по причине тяжести мучений». Любопытнее всего, как определяется в Откровении четвертое животное, снимающее четвертую печать: «**И четвертое животное подобно орлу летящу**» (Откр. 4.7). Андрей Кесарийский объяснял: «Высокий полет и стремительное падение на добычу четвертого животного – орла указывает на то, что язвы приходят свыше от гнева Божия в отмщение благочестивых и в

⁷⁴ Откровение св. Иоанна Богослова в мировой книжной традиции. М., 1995. С. 50.

⁷⁵ Лебедев Л. Москва патриаршая. М., 1995. С. 287-332; Иерусалим в русской культуре. М., 1994.

⁷⁶ Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 143; см. также: Stokl G. Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972.

⁷⁷ Хорошкевич А.Л. Символы русской государственности. М., 1993. С. 22. /С.73/

наказание нечестивых...»⁷⁸. В лицевых апокалипсисах XVI в. орел изображался с распростертыми крыльями⁷⁹. Именно вслед за открытием четвертой печати появляется новая фигура, что само по себе симптоматично, если иметь в виду царский замысел:

«И видех, и се, конь блед, и сидящий на нем, имя ему смерть: и ад идяше в след его; и дана бысть ему власть на четвертой части земли» (Откр. 6.8). Итак, двуглавый черный орел с «распростертыми крыльями» (т.е. орел летящий), обращенный в сторону земщины, имеет помимо геральдической также символику апокалиптическую: это образ адского наказания, которое последует неизбежно в последние времена.

В «Беседе трех святителей» – апокрифическом сочинении, известном в переводе на славянский язык уже в XI в. (через Изборник 1073 г.), Соломон спросил: **«Что суть 4 рози (образа.- А.Ю.) на земли? Иоанн рече: «Четыре евангелисты, на востоце Матфей, человеческим; на западе Марко, телчим; на севере Иоанн, орлим; на юзе Лука, лвовым образми, вси во крылата»**⁸⁰. Подобные представления были традиционными, а потому можно предполагать их осуществление в Опричном дворце Ивана Грозного. Восточная сторона – «человеческая»; западная – олицетворяла собой тельца и Второе пришествие Христово; северная – связана с образом орла. Южная сторона не случайно представлена образом льва. Кроме того, орлы на всех трех башнях дворца, были также связаны с символическим значением имени Иоанна Богослова.

4. Обращает на себя внимание описанное Иезекиилем соотношение Града Божьего и удела князя: **«И старейшине от того и от сего в начатки святых, во одержание града по лицу начатков святых и по лицу одержания града, яже к морю (к западу. – А.Ю.) и от сущих к морю, яже на восток: долгота же яко единая часть от предел нже к морю, и долгота ко пределом, нже на восток земли»** (Иез. 45.7). /С.64/ Доля князя подле священного места – к западу с западной стороны и к востоку с восточной стороны. Опричная Москва состояла из двух районов, находившихся в разных частях Москвы. Арбат, Чертолье, половина Никитской улицы вошли в государев удел, который по отношению к Опричному дворцу (месту священному, построенному во образ Града Божьего) находился на западной стороне. Другая часть опричных территорий в Москве располагалась в районе Воронцова поля – это слободы Воронцовская, Лыщиковская, Ильинская, под Сосенками⁸¹. По отношению к Опричному дворцу это были земли на восточной стороне. Град Божий и сопредельные территории, описанные Иезекиилем, стали моделью для воплощения; расположение опричных территорий в Москве имело символическое значение.

5. Рассказывая, чем питался в Опричном дворце царь, Г. Штаден заметил вскользь: «Хлеб, который он ест сам, – несоленый». В тексте подлинника читаем: **«Das Brot, so er eiginner person isset, ist tingesalzen»**⁸². И.И. Полосин выполнил максимально точный перевод, но осталось все же неясным, что значит «несоленый хлеб»? В немецком языке различаются хлеб несоленый и хлеб пресный и обозначаются соответственно двумя словами: **«ungesalzen»** и **«ungesauert»**, тогда как в русском языке такого разделения не было. В тексте немецкой Библии для определения пресного хлеба употребляется сочетание **«ungesauert Brot»**⁸³. Речь в любом случае шла о какой-то ритуальной трапезе, суть которой Г. Штаден просто не понял. В пророче

⁷⁸ Толкование на Апокалипсис святого Андрея, архиепископа Кесарийского. Иосифо-Волоколамский монастырь, 1992. С. 49.

⁷⁹ Буслаев Ф. Указ. соч. Ч. 1. № 63 и др.

⁸⁰ Беседа трех святителей // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 137. Примечательно, что в росписях церквей евангелисты традиционно занимают паруса под центральным барабаном и располагаются не на основных осях, а на вспомогательных с некоторым углом по отношению к частям света: Иоанн изображается на северо-восточной грани, Лука – на юго-восточной, Марк – на юго-западной и Матфей – на северо-западной.

⁸¹ Фехнер М.В. Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 12. С. 106-124.

⁸² Staden von H. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. Hamburg, 1964. S. 75.

⁸³ Русско-немецкий словарь. М., 1978. С. 555. Bibel-Lexikon. Leipzig, 1968. S. 1798-1799; Die Bibel mit Erklärungen. Berlin, 1989. S. 133.

ской книге Иезекииля описывается новый ритуал (по сравнению с Моисеевым), который предписывает «старейшине» осуществлять всесожжение и хлебное приношение: **«Так о глаголет Господь Бог: в первый месяц, во един день месяца, да возмете телца от говяд непорочна, еже очистити святое. И да возмет жрец от крове очищения и да возлет на Праги храма и на чѣтыри оуглы святилища, и на жертвенник, и на Праги врат двора внѣтренняго. И сице да сотвориши в седмый месяц: во един день месяца возмеш от коегождо неведущаго и от младенца, и очистите храм. В первый месяц, четвертагонадесять дне месяца, да будет вам Пасха праздник: семь дний да ясте опресноки»** (Иез. 45.18-21). Таким образом, мы можем вполне определенно говорить об изначально неправильном переводе с древнерусского на немецкий язык.

6. Г. Штаден обратил внимание на то, что во дворце царя охраняли 500 стрелков: они несли «все ночные караулы в покоях или палате, где великий князь обычно ел»⁸⁴. В послании Таубе и Крузе сообщается: «Он, великий князь, образовал из них (опричников. -А.Ю.) над всеми храбрыми, справедливыми, непорочными полками свою особую опричину, особое братство, которое он составил из пятисот молодых людей (...) Все братья (...) должны носить длинные черные монастырские посохи с острыми наконечниками»⁸⁵. В двух независимых источниках, таким образом, называется одна и та же цифра. Между тем в видении Града Божьего Иезекииля содержится рассказ (имеющий символический и не до конца понятный характер) об измерении храма Божьего внутри града: он был измерен со всех четырех сторон: **«И ста создаи врат, зрящих на восток, и размери пять сот тростию мерною. И обратися на север и размери на лице севера лактей пять сот тростию мерною. И обратися к морю и размери на лице моря пять сот лактей тростию мерною. И обратися на юг, и размери противу югу пять сот тростию мерною. Чѣтыре страны тоужде тростию: и расположи его, и оградѹ окрест емѹ, пять сот лактей (долготу) на восток, и пять сот лактей широтѹ, еже разлѹчати междѹ святыми и междѹ предстением сѹщим в чиноположении храма»**, т.е. чтобы отделить святое место от несвятого (Иез. 42.16-20). А в Откровении Иоанна Богослова сказано: **«И дана ми бысть трость, подобна жезлу, глаголя: встань, и измери церковь Божию, и алтарь, и кланяющыяся в ней»** (Откр. 11.1). В опричном монастыре и в Опричном дворце было не только 500 братьев, но и 500 посохов-«тростей». Едва ли такая деталь случайна, хотя обнаруженная связь, по всей видимости, сугубо символическая.

7. В сочинении Г. Штадена дважды упомянуто о резьбе по дереву в строениях Опричного дворца. В нем отмечено, что в южной стороне дворца «находились все поварни, погреба, хлебни и мыльни. Над погребами, где хранился разных сортов мед, а в некоторых лежал лед, были сверху надстроены большие сараи с каменными подпорами из досок, прозрачно прорезанных в виде листвы»⁸⁶. Недалеко от восточных ворот находился, по наблюдению немца-опричника, маленький помост, подобный четырехугольному столу: на него всходит великий князь, чтобы сесть на коня или слезать с него. Эти лестницы поддерживались двумя столбами, на них покоилась крыша и стропила. Столбы и свод были украшены резьбой под листву». /С.65/ Можно было бы счесть эту «листву» несущественной, если бы не одно обстоятельство: в видении Иезекииля находим указание, что **«от помоста даже до свода херувими и финики изваяни»** (Иез.41.20). А на столбах ворот были исключительно «пальмовые украшения» (Иез. 40.26). Причем в Книге пророка Иезекииля упоминается каменный четырехугольный помост перед восточными воротами (Иез. 40.17). Можно предположить, что и во внутреннем оформлении дворца были использованы художественно-символические элементы Града Божьего. Впрочем, эти элементы еще нужно внимательно изучать, чтобы понять их семантическую нагрузку. Мы пока лишь фиксируем большую вероятность символической общности.

⁸⁴ Штаден Г. Указ. соч. С. 109.

⁸⁵ Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе. С. 39.

⁸⁶ Штаден Г. Указ. соч. С. 109.

Итак, выявленные особенности (в разной, конечно, степени) свидетельствуют, что царь строил Опричный дворец с религиозной целью: это был дворец, воплотивший в себе эсхатологические представления Ивана Грозного и его эпохи.

Между тем судьба Опричного дворца помогла царю осознать необходимость отмены опричнины. Г. Штаден, описывая пожар во время нашествия полчищ Девлет-Гирея, отмечал психологические основания решения царя: «Так осуществились пожелания земских и угроза великого князя. Земские желали, чтобы этот двор сгорел, а великий князь грозился земским, что он устроит им такой пожар, что они не сумеют его и потушить. Великий князь рассчитывал, что и дальше он будет играть с земскими так же, как начал. Он хотел искоренить неправду правителей и приказных страны, а у тех, кто не служил его предкам верой и правдой, не должно было оставаться в стране ни роду, ни племени. Он хотел устроить так, чтобы правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов. Земские господа вздумали этому противиться и препятствовать и желали, чтобы двор сгорел, чтобы опричнине пришел конец, а великий князь управлял бы по их воле и пожеланиям. Тогда всемогущий Бог послал эту кару, которая приключилась через посредство крымского царя, Девлет Гирея. С этим пришел опричнине конец, и никто не смел поминать опричнину под следующей угрозой: виновного обнажали по пояс и били кнутом на торгу. Опричники должны были возратить земским их вотчины...»⁸⁷.

Штаден прямо пишет об отмене опричнины в связи с сожжением Москвы и Опричного дворца. Люди средневековья в нашествиях врагов, эпидемиях усматривали проявления Божьего гнева. Уничтожение Опричного дворца, построенного по образу Града Божьего, – сильнейшее потрясение для царя, ибо в этом он увидел знак того, что Бог не благословляет опричнину. А.М. Курбский в третьем послании писал царю: **«О горе нам! Что Христу нашему отвечаем на Бүде? И чем оправдимся? Аки по лете едином или иву писания первого моего к тебе, видеу звывшееся от Бога, по делом твоим и по начинанию рук твоих (...) И мало того, яко не постыдился еси и не усрамылся от Господа наказания и обличения, яко и во перших епистолиях воспоманухом ти, сиречь казней неправедных различных беззакония ради твоего, еже в Руси никогда же бывали, и отечества твоего преславнаго града Москвы сожжения от безбожных измалыти»**⁸⁸. Суд Божий и наказание царя за грехи сожжением Москвы, в представлении А.М. Курбского, неразрывно связаны.

Современники-иностранцы не случайно переводили слово «опричники» как «избранные». Историки искали и ищут объяснение термину «Избранная рада» в таком словесном ряду: Боярская

⁸⁷ Там же. С. 109-110. Д.Н. Альшиц усомнился вообще в достоверности записок Г. Штадена и, в частности, в отношении сообщения о конце опричнины в 1572 г. (Записки Генриха Штадена о Москве Ивана Грозного как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. 16. 1984. С. 134-148). В.Б. Кобрин убедительно доказал несостоятельность источниковедческих аргументов Д.Н. Альшица (Бже раз о «Записках Генриха Штадена» // Проблемы отечественной истории периода феодализма: Реализм исторического мышления / Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. М., 1991. С. 127-128). В 1989 г. в Москве, при земляных работах в районе Конной площади (между улицами Мытной и Шаболовкой) были обнаружены остатки белокаменных надгробий с фрагментами надписей на немецком языке. Среди этих находок была и надгробная плита Каспара фон Эльферфельда. Надпись на плите гласила: «Каспар, фон Эльферфельд. права, лицензиат, бывший. ланддрост. Питерсхагена...». Сведения о том, что Эльферфельд был «доктором права», можно с некоторой оговоркой (Штаден преувеличил ученую степень своего врага) признать достоверными, как и те, которые относились к описанию других событий. В труде, посвященном московским надгробиям, Л.А. Беляев пишет: «Редкая возможность сопоставить информацию двух источников – мемуарного и эпиграфического – дает нам ключ к окончательному решению вопроса о местонахождении древнейшего некрополя иноземцев в Москве – он там, где Эльферфельд и где впоследствии найдено его надгробие и плиты других иноземцев. Кажется своевременным указать здесь на удивительную точность сведений, приводимых Штаденом, во всем, что касается дел немецкой колонии. Эта достоверность, возможно, распространяется и на многие другие информации, касающиеся непосредственно личности Штадена, в том числе на его пребывание в опричнине, неоднократно ставившееся под сомнение» (Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. М., 1996. С. 242-243). Наши наблюдения также свидетельствуют о высокой ценности произведений Штадена как источника по истории опричнины.

⁸⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 113.

дума, ближняя дума и т.д.⁸⁹ Слово «рада» было, видимо, взято Курбским на вооружение из польского языка. По крайней мере, оно упоминалось в сильно полонизированных текстах и означало: совет, рекомендацию; группу высших сановников, постоянно находившихся при короле и являвшихся его советниками; само совещание; коллегиальное решение; сановников короля⁹⁰. Если слово «рада», в самом деле, не было слишком популярно в Московском государстве, то нет ничего странного и чужеродного в слове «избранный». Курбский мог просто соединить эти два слова, чтобы сохранить некий важный смысл и сделать понятным возникшее словосочетание для западноевропейского читателя.

Семантическую основу слова «избранный» естественно искать в Священном Писании. В синодальном переводе Библии слово «избранный» упоминается 75 раз. Термином этим определялись: народ, избранный «из всех племен» (Исх. 23.22); «избранные из сынов Израилевых» (Исх. 24.11); «избранные мужи общества» (Числ. 1.16); «семя Израилево, избранные его» (I Пар. 16.13). Именно в «последние дни» спасенными будут избранные, но им также придется пройти через испытания: **«Восстанут во лжехристи и дадут знамения велия и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя»**. (Мф. 24.24). /С.66/ Именно избранным придется вести борьбу со злом – в этом их особое призвание: **«Сии (силы зла.– А.Ю.) со Агнцем врань сотворят, и Агнец поведит я, яко Господь господем есть и Царь царем: и сущий с ним званнии и избранныи и вернии»** (Откр. 17.14). Считалось, что Бог помогает избранным – защищает их.

Какой же смысл вкладывал Курбский в словосочетание «Избранная рада»? В третьем послании царю он писал об Иване IV как о **«граде Бога Живаго, или церкви (...) телесной»**: **«В ней же некогда Дух Святыи превывал, яже по прехвальном покаянии была вычищена и чистыми слезами измыта (...) Се такова твоя прежде вывала церковь телесная! А за тем того ради все добрые последовали хоругвям крестоносным христианским. Языцы различные варварские не токмо со грады, но и со целыми царствы их покоряхуся тебе, и пред полками христианскими архангел хранитель хождаше со ополчением его, осеняюще и заступающе окрест боящихся Бога, по положению пределов языка нашего, яко рекл святыи пророк Моисей, врагов же устрашающе и низлагающе супостатов. Тогда было, тогда глаголю, егда со избранными мужи избранен бывал еси и со преподобными преподобен, и со неповинными неповинен, яко рече блаженный Давид, и животворящего креста сила помогающе ти и воинству твоему»**⁹¹.

«Избранная рада» – термин, которым Курбский определял «избранных» мужей при православном государе. Пребывая в «чистоте», они обретали Божью помощь. Потому и великий князь был подобен Граду Божьему. Но, пишет дальше Курбский, **«церковь твою телесную осквернили различными нечистотами»**, когда **«вместо избранных и преподобных мужей, правду ти глаголющих не стыдяся, прескверных паразитов и маньяков поднес тебе (дьявол.– А.Ю.), вместо крепких стратигов и стратилатов прегнусодейных и вогомерзких Бельских с товарищи (речь идет о Малюте Скуратове и Б.Я. Бельском.– А.Ю.), и вместо храброго воинства – крошечников, или опришников кровадных...»**⁹². А.М. Курбский делает различие между теми, кто был избран Богом и царем в первые годы его правления, и теми, кого Грозный избрал в годы опричнины. «Избранной раде» противостоит «совет и дума» ласкателей царя, избранных им по наущению дьявола, а не Бога. Именно потому князь, как бы споря с царем, утверждал, что опричники-крошечники, сила ада. Тема «избранных» – больная – ведь речь идет о спасении: **«Вспомни дни свои первые, в них же блаженне царствовал еси! Не губи к тому себя и дому твоего!»** –

⁸⁹ В последнее время ставится под сомнение реальность «Избранной рады» как правительства (Филлюшкин А.И. «Избранная рада» - миф или реальность? // Сословия и государственная власть в России. XV – середине XIX в. Ч. 2. М., 1994. С. 147-157; его же. Избранная рада- исторический миф? // Родина. 1995. № 7. С. 50-53).

⁹⁰ Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 21. М., 1995. С. 120-121.

⁹¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 116.

⁹² Там же.

восклицал князь. Вот почему Курбский в конце послания, говоря о грехах царя, писал, что ждет **«Бѣда Христова»** и плачет **«сего ради»**⁹³.

Проблема «избранных» с особой остротой в русской культуре возникала тогда, когда ожидалась какая-нибудь сакраментальная дата. В преддверии 1666 г. у старообрядцев пробудилось ощущение, что **«российский народ а последнее оставшее на земли семя Авраамле, то есть Новый Израиль, людие обновления»** (по словам протопопа Аввакума). Тут обнаруживается типологическое сходство двух веков – XVI и XVII. **«Надеющиеся на Христа разумеют истину и вернии любовью превѣдут в нем: яко благодать и милость на преподобных его и посещение во избранных его»**, – писал Аввакум. Протопоп так же, как и Курбский, мог сказать, что у царя сначала была своя «избранная рада» – кружок ревнителей благочестия. Но дьявол не дремлет: **«...ныне, аще водрственне и со опасением не трезвятся, то и избранныи вѣдут прельщатися многокозненной вселукавою последнею прелестию, по числу приходящего зверя 666»**⁹⁴. Таким образом, понятие «избранные» употребляется не для обозначения политической близости к государю – центральной фигуре богоспасаемого царства, а говорит о стремлении окружения царя к нравственной чистоте и соблюдению верности Богу.

Коснемся атрибутки кромешного воинства – в ней также можно увидеть проявление специфики средневекового сознания. Таубе и Крузе писали: «Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны». Такое объяснение символики внешнего вида конного опричника устраивает большинство историков. Не отрицая в принципе традиционного прочтения этой атрибутки, попробуем все же несколько иначе объяснить символ собачьей головы. /С.67/

В Откровении Иоанна Богослова сказано, что **«егда скончается тысяща лет, разрешен будет сатана от темницы своея, и изыдет прелстити языки сущия на четырех ѹглех земли, Гог и Магога, собрати их на врань, нхже число яко песок морской»** (Откр. 20.7). О народах Гог и Магог, которые придут в «последние времена» говорит пророк Иезекииль непосредственно перед описанием Града Божьего (Иез. 38-39), что чрезвычайно показательно, если учесть практическую реализацию идей Иезекииля в Опричном дворце. Перед соединением Бога со своим народом во Граде Божьем, описываются Божьи наказания. Приход народов Гог и Магог – это высший промысел: **«И приидеши от места своего от конца севера, и языцы мнози с тобою: конницы на конех вси, собор велик и сила многа, и възидеши на люди моя Израиля, яко облак покрыта землю: в последния дни будет, и възведу тя на землю мою, да мя оуведят вси языцы, егда освящѹся в тебе пред ними, о Гог! (...) И будет в той день, в оньже приидет Гог на землю Израилеву, глаголет Адонаи Господь, въздет ярость моя во гнѣве моем»** (Иез. 38. 15-16,18). В Откровении не уточняется, кто эти народы: **«И въздоша на широтѹ земли, и овыдоша Святых стан и град възлюбленный: и сниде огонь от Бога с неведе, и поиде я: И днавол лстѹй их ввержен будет в озеро огненно...»** (Откр. 20.8-10). В толковании Андрея Кесарийского на это место Откровения говорится: **«Как дикне звери из ѹщелий (...) предводительствуемые днаволом и его весами разойдѹтся из своих мест по всей земле, чтовы пленить и разрѹшить стан Святых, т.е. Христову Церковь»**⁹⁵. В русских лицевых апокалипсисах XVI в. упомянутые места Откровения специально иллюстрируются. Изображаются Гог и Магог отдельно от Антихриста и лжепророка. Гог и Магог осаждают «стан святых», предводительствуя песьими головами.

На миниатюрах изображаются именно головы; от Гога и Магога их отличает только то, что на головах их нет корон. Песьи головы изображаются также в качестве тех, кто принимает участие в наказании грешников (в одной миниатюре песьи головы копьями толкают в адский огонь греш

⁹³ Там же. С. 117.

⁹⁴ Памятники истории старообрядчества XVII в. Вып. 1. Кн. 1. Л., 1927. Стб. 328.

⁹⁵ Толкование на Апокалипсис святого Андрея, архиепископа Кесарийского. С. 176.

ницу). Они изображены под стенами города, где восседает Вавилонская блудница; песьи головы побивают народ, пожирают падших⁹⁶.

Поиски истоков этого образа привели нас к эсхатологическому апокрифу, который приписывается Мефодию Патарскому, хорошо известному на Руси⁹⁷. Кончина мира в так называемом «Откровении» Мефодия Патарского связывается с падением «Греческого царства». В седьмую тысячу лет «семя Измаила», загнанное Гедеоном в пустыню, выйдет из нее, и падет Греческое царство; Бог отдаст христиан в руки безбожных за их беззаконие. Но внезапно восстанет на измаильтян царь греческий, которого все считали мертвым, придет он от «моря Ефиопского», попленил измаильтян, их жен и детей. Во Вселенной наступит последняя тишина. Настанет на земле веселие перед концом века. После этого 33-летнего благополучного царствования греческого царя придет к власти «царь от сынов Рахилиных на три лета» и сотворит такое беззаконие, какого Не было от Сотворения мира. В промежутке между этими царствованиями (по прошествии семи тысяч лет!) в **«последняя же дни на скончание миру, яко Ѳзекиль пророк рече, за беззаконие людей отверзет Господь Бог горы тни сиверские, и выйдут из тех гор 24 нечистых тех царей, что загнал и заключил Александр, царь македонский (...) Гог же крылат, держат его 29 человек, четьми чепьми разпелен на четыре страны, дабы не заел вси человекоядцы. А иным скотия ноги, песия главы, а иным о семи рұках»**⁹⁸.

Зададим себе вопрос: могла ли быть незнакома царю эта символика?

Шатровая, на погребках и подклетах церковь Троицы на Государевом дворе, на территории современного Успенского девичьего монастыря в г. Александрове, была специально перестроена в 1570-1571 гг.⁹⁹, судя по всему, сразу после опричного похода на Новгород и Псков. В.В. Кавельмахер считает, что церковь уникальна едва ли не во всех отношениях. Это была домовая церковь-капелла русского государя. К алтарной части ее было пристроено специальное помещение для хранения личных сокровищ царя. Именно в Трапезной, примыкавшей к церкви, как предполагает В.В. Кавельмахер, происходили опричные монастырские оргии, описанные иностранцами. Для нас, конечно, особый интерес представляет то, что шатровая церковь в 1570-1571 гг. была расписана сюжетными изображениями, хотя для шатровых храмов XVI в. это не было характерно. И тематике росписей церкви В.Д. Сарабьянов пишет: «Идея богоизбранности Московского царства, осененного небесным покровительством, продемонстрирована здесь достаточно определенно... В росписях... шатра нашли отражение эсхатологические настроения, чрезвычайно характерные для русского мировоззрения XVI столетия»¹⁰⁰. Одна из фресок – изображение большой художественной силы, в котором обращают на себя внимание такие детали: в полыхающем адском огне дьявол, оскаливший пасть, держит в своей правой руке цепь, а по обе стороны от него такие же оскаленные песьи головы, пожирающие грешников¹⁰¹. /С.68/

Итак, символический смысл опричной атрибутики не сводим к наказанию вообще; суть в ином: Божье наказание осуществляется избранными людьми царя в «последнее время».

А.М. Панченко и Б.А. Успенский считают, что «доктрина наказания, как она сложилась в «политическом богословии» Грозного, в сущности проста. Ее можно выразить с помощью парал

⁹⁶ Буслаев Ф. Указ. соч. Ч. 1. № 50; Ч. 2. С. 311, 462, 456; Откровение св. Иоанна Богослова в мировой книжной традиции. С. 55 и др.

⁹⁷ Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русских литературах: Исследования и тексты. М., 1897; Тихонравов Н.С. Памятники отреченной литературы. Т. 2. СПб., 1863. С. 228-248; Литвинова Е.В. Списки «Откровения» Мефодия Патарского в Древлехранилище ИРЛИ // ТОДРЛ. Т. 37. 1983. С. 382-390.

⁹⁸ Тихонравов Н.С. Памятники отреченной литературы. Т. 2. С. 259.

⁹⁹ Кавельмахер В.В. Церковь Троицы на Государевом дворе древней Александровской слободы // Александровская слобода. Владимир, 1995. С. 18-38. /С.74/

¹⁰⁰ Сарабьянов В.Д. Программа росписи Покровского шатра Александровской слободы // Александровская слобода. Владимир, 1995. С. 49-50. См. также: Сорокатый В.М. О стиле росписи Покровской (первоначально Троицкой) церкви Александровской слободы // Там же. С. 54-69.

¹⁰¹ Rogov A. Alexandrov. L., 1979. P. 48.

лелизма: на том свете наказание определяет Бог, а осуществляют сатана и бесы; на этом свете опалу полагает царь, а карательной практикой занимаются опричники-крошеники во главе с Малютой...»¹⁰². Словом, опричники – сила ада.

Хотя подобное сопоставление и привлекательно, источники свидетельствуют об ином. В концепции историков уделено большое внимание именованию царя «Грозным», что сопрягается с переносными значениями «грозы» (как ада, адской силы). На этом утверждении строится отчасти и сама концепция. Как это ни покажется удивительным, но в научной литературе не обращалось внимание на то, что ни один из современников царя так его не называет. И даже в фольклоре XVI–XVII вв., допускающем вольные переосмысления, четко выдерживается определенное, очень продуманное отношение к этому слову. «Грозный» в фольклоре – это прилагательное, не превращенное в имя собственное. «Отвечает Кастрюк-Мастрюк: «Говорит Грозный царь, Иван Васильевич»; «Во матушке было в каменной Москве, / При Грозном царе Иване Васильевиче»; «Другой борец идет Иванушка маленький./ «Уж ты здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич!»» и т.д. и т.п.¹⁰³ И ни разу – Иван Васильевич Грозный. Это значит, что современники и ближайшие потомки твердо знали, что царя нельзя подобным образом именовать. Судя по всему, причина запрета заключается в том, что слово «Грозный» как предикат уже употреблялось, и достаточно широко, но применительно к небесным силам вообще и архангелу Михаилу в частности. Как бы ни уподоблялся царь Богу, но небесная иерархия была выше любой земной. В великорусских заклинаниях, например, так определяется роль архангела Михаила: «**И пошли, всемогущий Боже, Царю Небесный, Иисусе Христе, на помощь рабѹ твоемѹ [имя рек] пастѹхѹ, архангела Михаила, грозного небесного воеводу...**» Вместе с тем в заклинании во время грозы и грома говорится уже о Боге: «**...о Владыко страшный и грозный, сам суди окаянному дияволѹ с весы, а нас грешных спаси, всегда и ныне и присно, и во веки веков**»¹⁰⁴. По всей видимости, именно из фольклора слово это при посредничестве В.Н. Татищева переключивается в науку, но уже с иным смыслом и как имя собственное русского царя. Таким образом, то, на чем строят свои соображения А.М. Панченко и Б.А. Успенский, не имеет прямого отношения к самой исторической эпохе и является скорее фактом истории исторической науки. Но вернемся все же к исходной позиции двух историков. Позволим себе не согласиться также и с предлагаемой ими структурой осмысления роли царя и его опричников.

Иван IV, думается, относился к опричникам как к праведной силе, исполняющей волю царя и Божью. Г. Штаден сообщает, что во время Ливонской войны царь, осаждая Ригу, «приказал послать за Вильгельмом Фюрстенбергом и поставить его перед собой. Великий князь в своем одеянии сидел со своим старшим сыном. Опричники стояли в полате – по правую руку великого князя, а земские – по левую»¹⁰⁵. Подобная символическая расстановка столь существенна, что нет никаких сомнений в том, что она не случайна. Согласно евангельской притче б Страшном Суде (Мф. 25. 31-33), Сын Человеческий, когда сядет «на престоле славы», поставит овец по правую свою сторону, а козлов, т.е. грешников, – по левую. Таубе и Крузе свидетельствуют: «пехотинцы (опричники. – А.Ю.) все должны ходить в грубых нищенских или монашеских верхних одеяниях на овечьем меху, но нижнюю одежду они должны носить из шитого золотого сукна на собольем или куньем меху. Он, великий князь, образовал из них над всеми храбрыми, справедливыми, непорочными полками свою особую опричину, особое братство»¹⁰⁶.

Если не модернизировать средневековое сознание, то нет никаких оснований считать некоторые действия царя циничными. Г. Штаден сообщает, что Грозный «послал в земщину приказ:

¹⁰² Панченко А.М., Успенский Б.А. Указ. соч. С. 74. См. также: Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963. С. 150-155; Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 342-343; Бочаров Г.Н., Виголов В.П. Александровская слобода. М., 1970. С. 33.

¹⁰³ Исторические песни XIII-XVI веков. М.; Л., 1960. С. 123-555.

¹⁰⁴ Великорусские заклинания // Сборник Л.Н. Майкова. СПб., 1994. С. 116, 157.

¹⁰⁵ Штаден Г. Указ. соч. С. 88.

¹⁰⁶ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 38-39.

«Судите праведно, наши виноваты не были бы»¹⁰⁷. Этот приказ, переданный Штаденом, может быть, и не очень точно, означал, что опричники, будучи избраны царем для выполнения особой миссии, не могут быть обвинены кем-либо, кроме царя: это противоречило бы царскому замыслу о наказании зла («**Кто поемлет на избранныя Божия; Бог оправдая**» – Рим. 8.33).

Точно так же обстоит дело с образом жизни монастырской братии в опричником дворце и с поведением царя-игумена. /С.69/ «Живя в упомянутом Александровском дворце, словно в каком-нибудь застенке, он обычно надевает куколь, черное и мрачное монашеское одеяние (...) Итак великий князь, – писал А. Шлихтинг, – каждый день встает к утренним молитвам и в куколе отправляется в церковь, держа в руке фонарь, ложку и блюдо. Это же самое делают все остальные (...) Всех их он называет братией, также и они называют великого князя не иным именем, как брат. Между тем он соблюдает образ жизни вполне одинаковый с монахами. Заняв место игумена, он ест один кушанье на блюде, которое постоянно носит с собою; то же самое делают все...»¹⁰⁸. Таубе и Крузе подробно описали едва ли не каждый час жизни монастырской братии. Обратим внимание на одну интересную особенность психологии опричного братства. «После того, как он (царь.- А.Ю.) кончает еду, редко пропускает он день, чтобы не пойти в застенки, в котором постоянно находятся много сот людей; их заставляет он в своем присутствии пытаться или даже мучить до смерти безо всякой причины, вид чего вызывает в нем, согласно его природе, особенную радость и веселость. И есть свидетельство, что никогда не выглядит он более веселым и не беседует более весело, чем тогда, когда он присутствует при мучениях в пытках до восьми часов. И после этого каждый из братьев должен явиться в столовую или трапезную, как они называют, на вечернюю молитву, продолжающуюся до 9 (...) Что касается до светских дел, смертоубийств и других тиранств и вообще всего его управления, то отдает он приказания в церкви (...) этому приказанию никто не противится, но все, наоборот, считают за счастье и милость, святое к благому делу выполнить его»¹⁰⁹.

В одном из древнейших изображений Страшного Суда, в мозаике церкви св. Ангела (близ Капуи, XI в.) избранные (т.е. праведные) – исключительно монахи и лица духовные. Монашеская близость к Богу не противоречила осуществляемым опричным наказаниям.

В концовке завещания Ивана Грозного марта 1579 г. мы встречаем прямое упоминание опричнины, имеющее большое значение для понимания того, как царь воспринимал свое детище: «**А что есьми учинил опришнину, и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее и чинят, а образец им учинен готов**»¹¹⁰. Следует особо отметить, что документ этот систематически не изучался, и такая важная часть его, как преамбула, в которой царь кается и поучает своих детей, вообще выпала из поля зрения историков. Между тем именно преамбула позволяет понять, почему царь нарушил традицию оформления подобных документов, предпослав распорядительной части завещания столь большой по объему текст. Именно в преамбуле царь выразил нечто, имеющее прямое отношение к опричнине.

К сожалению, нет возможности в рамках данной статьи специально остановиться на покаянии царя, перейдем сразу к тому, как поучает Иван Грозный своих детей. Текст этот изобилует цитатами из Евангелий. К нему историки отнеслись как к чему-то формальному, несущественному. Еще Н.И. Костомаров писал: «Духовное завещание, писанное царем Иваном, по всем вероятностям, около 1572 года, страдает чрезвычайным пустословием, лицемерством, нескладностью сочинения. Оно загромождено отрывками из Евангелия; приводятся притчи и речи Спасителя... Все это не более как формалистика»¹¹¹. На самом деле для понимания опричнины эта часть завещания имеет первостепенное значение. Обратим внимание на то, какие именно цитаты присутствуют в

¹⁰⁷ Штаден Г. Указ. соч. С. 86.

¹⁰⁸ Шлихтинг А. Указ. соч. С. 27.

¹⁰⁹ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 39-40.

¹¹⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.; Л., 1950. С. 444.

¹¹¹ Костомаров Н.И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Исторические монографии и исследования. Кн. I, М., 1989. С. 38.

документе. Призвав сыновей Ивана и Федора жить в любви и согласии, любить от всего сердца Бога и соблюдать его заповеди, царь переходит к пересказу притчи о десяти девах, которая непосредственным образом символизирует Второе пришествие. Н.В. Покровский специально отмечал, что для выражения мысли о Втором пришествии Христа европейские и древнерусские художники пользовались притчей о мудрых и неразумных девах: мудрые девы – избранные, неразумные – осужденные грешники. В живописи римских катакомб Кириаки, относящихся ко временам первых христианских императоров, Христос стоит среди дев в полуобороте к мудрым девам, которых приглашает к себе жестом правой руки. В искусстве Ренессанса мудрые девы изображались в раю среди деревьев при четырех реках, текущих из горы и символизирующих четыре Евангелия, между тем как неразумных дев, стоящих за дверьми, Христос отвергает жестом правой руки¹¹².

Дальнейшее развитие темы Второго пришествия и Страшного Суда в тексте преамбулы завещания шло по такому «сценарию»: притча о талантах; увещевание к бодрствованию перед кончиной мира; притча о званых на пир; притча о мытаре и фарисее; притча о Страшном Суде; первосвященническая молитва. /С.70/ Заметим попутно, что текст царского поучения в преамбуле контаминирован; разные цитаты нередко сведены в одну, и трудно сказать, по чьей воле так произошло – царя ли, переписчиков ли...

Преамбула завещания Ивана Грозного пронизана эсхатологическим настроением. Как тогда объяснить смысл слов царя об «опришнине»? Едва ли верно в «прибыльности» видеть «финансовую политику». Слово «прибыльнее» – ключевое в контексте¹¹³ – связано с притчей о талантах, а сама она следует сразу за притчей о десяти девах и непосредственно предшествует притче о Страшном Суде (Мф. 25.14-30). Царь привел текст притчи не полностью¹¹⁴, зато в конце завещания как бы вернулся к притче, косвенно напомнив о ней. Тому, кто закопал свой талант в землю, согласно евангельскому рассказу, господин сказал: **«Отвещав же Господь его, рече ему: лукавый рабе и ленивый, ведел еси, яко жну, идеже не сеях, и собираю, идеже не расточих; По доваше убо тебе вдати мое торжником: и пришед аз взял бых свое с лихвою. Возмите убо от него талант и дадите имущему десять талантов»** (Мф. 25. 26-28). Одно из значений слова «прибыль» – польза, выгода. Семантически очень близкое к нему слово – «прибыток» – упоминается в пересказе автором XIV в. притчи о талантах: **«Ведын раба оного ленивого, скрывшаго талантъ и прибытки им не створша»**¹¹⁵. О близости же слов «лихва» и «прибыток» свидетельствуют переводные древнерусские сочинения: **«Лихвами и прибытъкъмъ землю оскверни»; «сребра своего не даси въ лихвоу и въ прибытъкъ»**¹¹⁶. На Руси разночтения (в том числе лексические) в текстах богослужебных и «четьих» книг для X-XV вв. были «велики, многочисленны

¹¹² Покровский Н.В. Указ. соч. С. 292.

¹¹³ Слово «прибыльнее» упоминается также в начале духовной царя: **«А докѹдова вас Бог помилует, своводит от бед, и вы ничем не разделяйтесь, и люди вы ꙗко вас заодин и казна вы ꙗко вас заодин была, ино то вам прибыльнее»**. «Прибыльность», как видно, прочно связана с Божьей волей.

¹¹⁴ **«...человек некий, отходя, призва своя рабы и предаст им именне свое, овому даст пять талант, овому жь два, и сотвори другия пять талант. Такожде же иже два име, приоврете им другая два. Приемый же един, вкопа его в землю и скры сребро господина своего. По мнозе же времени прииде господь рав тех, стезався с ними словесы. И приступл пять талант приемы, принесе другую пять талант, глаголя: господи, пять талант ми еси предал, и се другая пять приовретох ими. Рече же ему господь его: добрый рабе, благий и верный, в мале бысть верен, над многими тя поставлю, винди в радость господа своего. Приступл же два таланта приемы, рече: господи, два таланта ми прия. Закопавы же в землю прият наказание. Размыслите в сердце своем и веру имейте, яко иже глаголет, вываает, яко речет: “Глаголю вам, вся, елика аще молящеся просите, веруйте, яко приемлете, и будет вам. И егда стоите молящеся, отпускаете, и Отец ваш, иже есть на невидимых, отпустит вам согрешения ваша. Нево и земля преидет, словеса же моя не преидут. О дни том и о часе никто же весть, ни ангели, иже сѹтъ на невидимых, ни Бын, токмо Отец»**» (Духовные и договорные грамоты... С. 430).

¹¹⁵ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1895. Стб. 1380.

¹¹⁶ Там же. Стб. 1380-1381; Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). М., 1994. С. 499.

и разнообразны»¹¹⁷. Вполне естественно, что царь использовал близкое по смыслу самой притчи слово «прибыльнее». Оно вообще было особенно характерно для Ивана IV. И.И. Срезневский в «Материалах для древнерусского словаря» фиксирует это слово, определяя его значения только через сочинения царя. Так, в послании в Кирилло-Белозерский монастырь, находим: «**А и ўкрашение церковное ꙗко вас вместе бы было, ино бы вам то прибыльнее было**»¹¹⁸. Как видим, и в этом послании идет речь об особой пользе, выгоде.

Итак, «прибыльность» в завещании – это совершение богоугодного дела перед Страшным Судом. Учиненный «образец» – опричнина; и сыновьям самим решать, как они будут сохранять свое «благочестие» и спасать души.

Подведем главный итог. Опричнина в восприятии Ивана Грозного была синкретическим явлением не столько политического, сколько религиозного характера. Люди XVI в. не различали эти две сферы: «политика» для них – осуществление христианских задач и целей. Не случайно слова «политика», «политический» появляются в русском языке только в самом конце XVII в. Христиане воспринимают апокалиптические образы в символическом смысле. «Буквальная картина плоскостна, не имеет мифического рельефа, не овеяна пророческим трепетом, не уходит своими корнями в непознаваемую бездну и мглу судеб Божиих»¹¹⁹. А потому – звезды будут падать на землю и саранча будет величиною с коня и т.д. и т.п.: этот символический смысл не был для людей средневековья голым знанием. Опричнина – своеобразная мистерия веры, образ будущего на земной тверди. Опричные казни превращались в своеобразное русское чистилище перед Страшным Судом. Царь добивался полновластия как исполнитель воли Божьей по наказанию человеческого греха и утверждению истинного «благочестия» не только во спасение собственной души, но и тех грешников, которых он обрекал на смерть. И только в последние годы жизни царь стал каяться, возможно, осознав, что прельстился. Завещание 1579 г. отразило этот духовный кризис. Идеи, которая бы вдохновила его, не было, оставалось одно: ждать Суда Христова. /С.71/

¹¹⁷ Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников IX-XV вв. Л., 1976. С. 222.

¹¹⁸ Срезневский И.И. Указ. соч. Т. 2. Стб. 1379.

¹¹⁹ Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 204. /С.75/